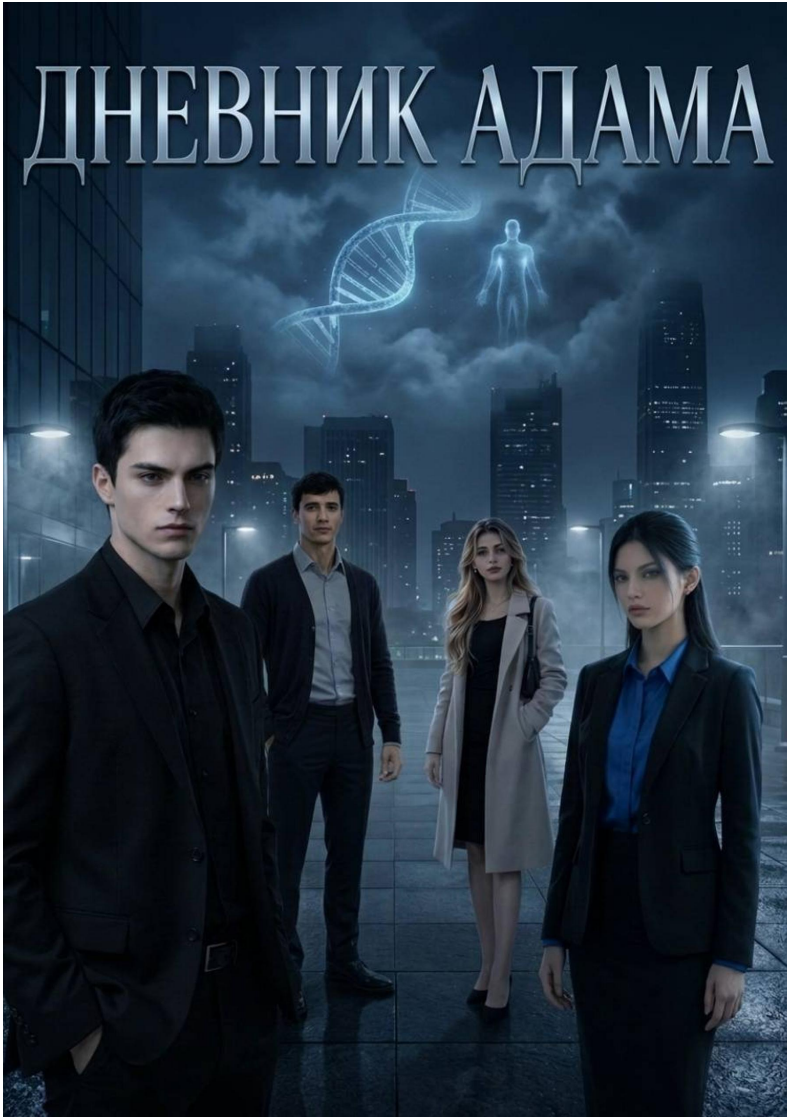
ДНЕВНИК АДАМА

Fisher 06643
Дневник Адама Келлеманса

https://litres.ru/74984562
SelfPub; 2026

Аннотация

Вчера — обычный человек со своими сомнениями и планами. Сегодня — тот, кому подвластно то, что выходит за пределы возможного.

Уже готово 12 глав, книга всё ещё в процессе.

Fisher 06643
Дневник Адама Келлеманса

Глава 1-11

ДНЕВНИК АДАМА

Часть первая (Главы I–XI)

Глава I. Один день

Для чего живёт человек? Чтобы сыграть свою роль в обществе? Но какую: отработать своё, жениться, вырастить детей и уйти? Хорошо ещё, если удастся скопить денег на старость, чтобы провести последние дни спокойно. Но что, если к тому времени нагрянут болезни и останется лишь ждать конца? Смерть — абсолютная истина. Какую бы жизнь мы ни прожили — счастливую или полную лишений, омрачённую тяжёлым недугом или увенчанную властью над другими, — финал один для всех. И только от нас самих зависит, чем наполнить этот короткий путь.

Меня зовут Марк Раду, мне двадцать шесть. После университета пошёл работать в школу учителем химии. Но уже много лет не даёт покоя один вопрос: в чём истинное призвание человека и какой путь выбрать именно мне? Плыть по течению, как все: обзавестись работой, семьёй, кругом друзей, выстроить тихое, предсказуемое счастье? Но разве этого я хочу? Трудиться до седин, чтобы в старости просто доживать свой век — и это в лучшем случае. А что потом? Ничего. Тебя словно и не было. Знакомые забудут имя уже через месяц. Даже самые близкие будут вспоминать о тебе от силы

пару лет. Какая цена у такого существования?

И всё же существуют люди, над которыми время не властно. Великие правители и писатели, непобедимые чемпионы, музыканты и певцы — их имена не канут в Лету и продолжат жить даже сквозь столетия.

Можно пожертвовать всем, что у тебя есть: временем, друзьями, семьёй, счастьем, лучшими мгновениями — и отдать всю жизнь, чтобы стать первым в выбранном деле: в спорте, музыке, науке. Но даже это не гарантирует, что ты станешь легендой, которая останется в сердцах людей на века. В одном можно быть уверенным почти наверняка: станешь признанным мастером своего дела, известным широкому кругу людей, пусть и не войдёшь в учебники истории. Но стоит ли итог такой цены? Готов ли поставить на кон всё — простые радости и печали, дружбу, тепло родных — ради призрачного шанса оставить свой след в вечности? Порой кажется, что настоящая ценность жизни вовсе не в громкой славе, а в том, чтобы успеть сказать главное тем, кто рядом, пока не стало поздно.

Впрочем, пока мечты о величии разбиваются о суровую реальность. Живу в Клуже у родителей и преподаю в школе. Зарплаты едва хватает от получки до получки — отложить нечего. Каждый день начинается одинаково: подъём в семь утра, быстрый душ, завтрак, и ровно в восемь закрываю за собой дверь. До школы всего пять минут неспешным шагом.

Когда прихожу на работу, почти всегда первым встречаю

Серу Арделяна. Это давний знакомый и бывший однокурсник; мы вместе учились на химическом факультете университета в Бухаресте. Сегодня, поднявшись в школу, заметил, что дверь его кабинета заперта — значит, он вот-вот подойдёт. Зайдя в свой кабинет, положил вещи и принялся заваривать кофе. Вскоре раздался стук в дверь, и на пороге появился Сера:

— Здорово, Марк. Как жизнь?

— Нормально, как сам?

— Грех жаловаться. Сегодня пятница, завтра выдыхаем — может, пересечёмся вечером?

— Отличная идея, заглядывай ко мне.

— По рукам, наберу после шести.

— Договорились, до вечера.

Он отправился к своему кабинету, а я сел готовиться к урокам. До начала первого урока оставалось минут пятнадцать; бегло пролистал план сегодняшнего занятия и открыл новостную ленту в телефоне:

Футбол: «Сборная Румынии обыграла Сан-Марино со счётом 5:1».

Технологии: «Компания X-tech объявила о прорыве в создании биопротезов».

Музыка: «Imagine Dragons представили новый трек...»

Пока читал ленту, в класс начали заходить ученики. Убрал телефон, взял мел, и с первым звонком гул в классе стих — начался урок:

— Здравствуйте, ребята... Сегодня разбираем алканы.

Голос стал ровным и спокойным, привычно рабочим. Написал на доске формулу и объяснил её простыми словами, стараясь раскладывать сложные вещи понятно. На пальцах остался белый меловой налёт — привычная мелочь, из-за которой рядом со столом, чуть ниже у тумбы, всегда стоит пачка влажных салфеток. Вытер руку и продолжил урок.

Обычно рабочий день заканчивается около часа дня. Сегодня, как и всегда, в начале второго уже шагал домой, когда в кармане зазвонил телефон:

— Алло.

— Привет, как дела, родной?

— Нормально, как сама?

— Тоже неплохо, сейчас иду с пар, решила, что ты уже освободился, вот и решила позвонить.

— Да, только вышел. Слушай, тоже хотел кое-что сказать.

— Что именно?

— Сильно соскучился, очень хочу тебя увидеть.

— Я тоже.

— На следующих выходных приеду к тебе.

— Буду ждать... Прости, мне пора бежать.

— Ладно, пока, позвоню после ужина.

— Пока, любимый, до связи.

Это звонила моя девушка — Елена Тома, дома и для близких просто Элла. В этом году она оканчивает университет, учится на журналиста. Мы вместе уже три года. Когда-то то-

же учился в вузе, и мы снимали квартиру вдвоём, но после выпуска пришлось вернуться в родной город по личным обстоятельствам. Несмотря на расстояние, по выходным регулярно езжу к ней. Вообще скуповат на нежности: редко говорю «дорогой», «милая», «котик» и всё в таком духе. Не знаю почему, но со всеми так — не даются мне легко ласковые слова. Маме ни разу в жизни не сказал: «Я люблю тебя, мама». Сколько раз подходил к ней, чтобы признаться, но каждый раз не мог выговорить ни слова — горло словно сжимало, а внутри включалась застарелая закрытость, будто на плечи ложится несколько тонн груза и каждое слово приходится брать с боем. А вот Элле признался в День святого Валентина: пригласил её в ресторан и вечером, когда мы уже расходились, тихо сказал: «Я люблю тебя» — и услышал в ответ те же слова. Пусть это звучит банально, но кем бы ты ни был — подростком или сорокалетним мужчиной, — от этих слов никуда не деться. Ничего лучшего люди за всю историю так и не придумали. Рядом с Эллой нежности даются проще — в этом есть лёгкость и пространство двоих, — а дома, глядя на маму, хлопочущую у плиты, хочется подойти и произнести эти слова, но внутри всё снова замирает.

Погружённый в эти мысли, шёл вдоль узкого проезда у стены, сворачивая к дому, как вдруг раздался резкий визг тормозов и металлический скрежет — машина на дороге теряла управление. Не сразу сообразил, что она срывается с траектории прямо на меня. То ли это было оцепенение, то

ли трезвое понимание, что не успею отскочить, — замер и ждал. Мгновение — или целая вечность — резкий удар, короткая оглушающая тишина, и почувствовал, что нижнюю часть тела придавило между стеной и железом; перед глазами поплыла темнота. С трудом и тяжестью на миг приоткрываю глаза — сквозь мутную пелену мелькают фары, помятый металл и серый асфальт рядом со стеной, но удержать взгляд нет никаких сил. Следующее, что отпечаталось в сознании: люди в белых халатах куда-то катят меня на каталке, и сквозь шум в ушах доносятся голоса:

— Кровопотеря критическая.

— Шансов почти нет...

— Быстро в операционную, боремся до конца.

— Принято, профессор Келлеманс.

Дальше — пустота. Неужели так выглядит конец человека? Тьма, тишина и ничего больше. Хочется одновременно смеяться и плакать. Только начал жить — и уже точка? Судьба любит поиронизировать. Столько планов увидеть мир, а даже за границей ни разу не побывал. Но всё это пустяки рядом с тем, что так и не сказал маме, как сильно её люблю... хотя бы раз... если бы успел.

Вдох... короче... всё тяжелее...

А отец... Хотел бы обнять тебя хоть раз в жизни... всегда мечтал заслужить твоё признание. Наверное, хотел доказать, что я уже взрослый мужчина. Каким же упрямым дураком был. Всего-то и нужно было сказать: «Ты лучший отец на

свете».

Элла... прости меня.

Сера, брат... посидим в другой раз...

Глава II. Перезапуск

...звуки кардиографа...

— Что?..

Медленно открыв глаза, увидел белый потолок. Подумал бы, что это рай, если бы не ровный звук медицинского аппарата — хотя в рай мне тоже не попасть. Несколько секунд просто лежал, прислушиваясь к себе: внутри странная тишина, тело словно ничего не весит, грудь поднимается без прежней тяжести и боли. Неужели выжил? Последнее, что помню, — попал в аварию.

— Ты наконец-то очнулся. Как только мой браслет подал сигнал, что ты пришёл в сознание, сразу направился сюда.

— Доктор...

— Прежде чем ты начнёшь спрашивать, первым расскажу тебе обо всём. Сперва позволь представиться: я профессор Леман Келлеманс. Ты попал в аварию, и пока тебя везли в больницу, потерял слишком много крови и умер во время операции. Но это только официально — твоё старое тело невозможно было спасти...

— Простите, что вы имеете в виду, сказав «старое тело»?

— Не перебивай и слушай! Ты слышал о корпорации X-tech и о биопротезах, которые они разработали?

— Да.

— Все эти биопротезы и биоорганы разрабатывал я. С их помощью любую часть тела человека можно заменить: руки, ноги, глаза, сердце — теперь это не проблема. Но я пошёл дальше и втайне от всех создал идеальное человеческое тело — «сосуд», который не стареет, не болеет и в семь раз сильнее обычного человека. Никто никогда не сможет отличить это тело от обычного. Над этим я работал всю жизнь. Чтобы оживить «сосуд», нужно перенести данные мозга живого человека в его искусственный мозг. Тогда человек должен проснуться в новом, совершенно идеальном теле. А старое тело умрёт в любом случае, вне зависимости от того, окажется ли эксперимент успешным: неизвестно, выдержит ли человеческий мозг напряжение от переноса данных — здесь даже психология человека играет роль. Для опыта нужны были добровольцы, но я знал, что X-tech и государство не позволят экспериментов над живыми людьми. Последние пять лет я работал врачом в больнице Клужа, чтобы в подходящий момент тайно провести перенос. Для этого критически важен именно живой человек — клетки мозга умирают почти сразу после смерти. Когда тебя привезли, ты потерял слишком много крови, спасти прежнее тело было невозможно, но, к счастью, я успел скопировать данные твоего мозга в больнице, а затем перенёс их в «сосуд», который всё это время находился в моей тайной лаборатории. Старое тело осталось в больнице — для всех ты умер там.

Когда профессор замолчал, в голову закралось сомнение:

может, меня разыгрывают? Как такое вообще возможно? Но я точно попал в аварию — помню, как нижнюю часть тела раздавила машина. Ноги вроде на месте, чувствую всё как своё, но в то же время странно и чуждо — будто до сих пор плыву в тяжёлом сне. А вдруг всё это правда? Столько вопросов, но с чего начать?

— Профессор, сколько времени я был без сознания?

— Семь дней. Я уже начал думать, что и в этот раз эксперимент не удался.

— Теперь все думают, что я мёртв?

— Да.

— Как мои родители?

— Твои родители дома, а младший брат — он учится, но временно приехал — вернулся, чтобы успокоить их и присмотреть за ними. На твои похороны пришла и Элла — больше о ней не знаю, — а вместе с ней несколько десятков твоих друзей и коллег.

— Мне нужно вернуться домой и успокоить их всех.

— Ты не можешь.

— Почему?

— То, что я провёл этот эксперимент, незаконно, и никто не должен узнать, что твоё тело искусственное, что ты не стареешь и не умрёшь от болезни. Представь: через пятьдесят лет твоей девушке будет уже за семьдесят, а тебе всё ещё двадцать два. Теперь ты не можешь жить как все, и твой секрет никто не должен знать.

Мысли хлынули разом — жизнь перевернулась в одно мгновение, слишком внезапно. Сам не знал, чего хочу: обменять обычную жизнь на вечную молодость и бессмертие — за это любой отдал бы всё, что имеет. Предложи мне такой обмен несколько лет назад, сразу согласился бы. Но сейчас внутри смешанные чувства. Если бы не профессор, я бы уже ушёл из этого мира и не получил бы даже этого шанса. И всё же тело стало совершенным, а сердце по-прежнему уязвимо: вернуться к прежней жизни, просто зайти домой к родным я уже не могу, и эта невозможность больно отдаётся внутри. Чувствую, что должен поблагодарить его за спасение.

— Профессор, спасибо вам за то, что спасли меня. Как я смогу отплатить вам за это?

— Мне ничего не надо — я наконец-то нашёл правильный способ проведения эксперимента, и это для меня самое главное.

— Можно ли мне сейчас встать?

— Конечно, там есть зеркало, можешь посмотреть на свой новый облик.

Встав, подошёл к зеркалу и замер: такого красивого человека ещё не видел. Густые чёрные волосы, чёрные глаза, как истинная тьма, кожа белая, как нетронутый снег. Идеальные черты лица — словно рисовал художник, шесть кубиков на прессе и рост метр восемьдесят пять. Совершенное тело, словно ничего не лишнего: ни лишних мышц, ни худобы, ни слишком малого, ни чрезмерного роста. Всё так вы-

верено, что больше похоже на произведение искусства, чем на человека. За этим идеальным отражением остро ощущалось, что прежний Марк Раду остался в прошлом.

— Профессор, сколько лет вы работали над этим телом?

— Почти десять лет над самим телом и внешним видом и ещё пятнадцать лет создавал внутренние органы. Органы чувств — слух, зрение — и реакция работают в семь раз быстрее. Марк, пока ты был без сознания, я подготовил новые документы. По ним тебя зовут Адам Келлеманс, двадцать два года. Мой родной внук покончил с собой два года назад, когда ему было двадцать — я не стал сообщать о его смерти заранее, зная, что мне ещё понадобятся его документы.

Профессор замолчал на секунду, глядя куда-то мимо, и в его голосе впервые сквозь жёсткую сухость исследователя пробилась глухая, запоздалая горечь.

— Звучит безжалостно, и сам понимаю, насколько холодно поступил ради расчёта и эксперимента, но это и всё, что я смог для него сделать: хоть так его смерть не пройдёт впустую, хоть какой-то след останется от него в этом мире. Не уследил за ним — он наверняка чувствовал себя одиноким, у меня не было времени из-за работы, у него не было нормального детства, и я виноват в этом. Похоронил его в одиночку, а потом скопировал отпечатки его пальцев в искусственный «сосуд» и изменил документы, чтобы никто не смог докопаться. Пусть это выглядит жестоко и даже безумно, но

для меня в этом есть горький смысл: так могу заставить себя чувствовать его живым. Вот здесь все твои документы; меняй их хотя бы каждые десять лет, чтобы никто не узнал о тебе. В шкафу есть одежда, можешь взять её, и здесь десять тысяч евро на первое время — это мой подарок тебе, чтобы ты мог спокойно встать на ноги, а дальше уже сам должен зарабатывать и учиться жить заново. Как только будешь готов, можешь уходить куда захочешь.

— Профессор, спасибо вам за всё...

— Не стоит, я получил, чего хотел.

Надев повседневную одежду, взял документы и деньги и подошёл к профессору:

— Профессор, надеюсь, мы ещё встретимся.

— Тоже надеюсь на это. Перед тем как уйдёшь, хочу дать тебе совет: не знаю, существует ли у человека душа или нет, но если есть, не знаю, перешла ли твоя душа на новое тело. Постарайся не терять свою человечность, помни об этом!

— Спасибо вам за совет и за всё остальное.

Попрощавшись с профессором, вышел на улицу. Сам профессор работал врачом в больнице, но его лаборатория была скрыта прямо в его доме, где всё это время находился новый «сосуд». Пешком отправился к ближайшему магазину сотовой связи. Пока шёл, замечал, как люди вокруг смотрят на меня — особенно женщины, словно увидели редкий плод, от которого невозможно отвести взгляд. Благодаря усиленному в семь раз слуху отчётливо слышал чужие голоса и целые

фразы прохожих: «Какой красавчик», «Он наверняка работает где-то моделью», «Эх, мне бы такого, как он». Они даже не догадывались, как громко и отчётливо всё это звучит для меня.

В магазине купил телефон и сим-карту, затем зашёл в кафе напротив и заказал чашку кофе. Клуж знаю как свои пять пальцев, но привычные улицы и маршруты теперь ощущаются иначе; к тому же не думаю, что останусь здесь надолго, поэтому решил пока остановиться в одном из хостелов поблизости. Сидя в кафе, открыл интернет и посмотрел свободные номера. Забронировав место, допил кофе и расплатился. Решил пойти на кладбище — хочу посмотреть, где и как меня похоронили. Было уже почти пять вечера; вышел на улицу, поймал такси и через двадцать минут был на месте.

На часах — почти полшестого. Кладбище большое, но искать долго не пришлось: сразу направился туда, где хоронили недавно, и увидел знакомую фигуру. Ростом меньше метра семидесяти, чёрные волосы, широкие плечи — из-за невысокого роста и длинных рук накачанное тело издалека казалось квадратным. Это был знакомый из прошлого, с кем когда-то сблизился ещё до университета, когда он занимался боксом, хотя в профессионалы так и не вышел. Подойдя ближе, первым увидел надпись на своём надгробии: «Он умел быть рядом — и как сын, и как друг». Увидев меня, он заговорил:

— Хороший был парень, мы договорились с ним выпить в тот день, в прошлую пятницу. Для меня он был как брат,

вместе держались в трудные времена. У меня нет ни брата, ни сестры, поэтому он был для меня как родной.

Было приятно слышать такие слова, но внутри всё сжалось, и сразу не нашёл, что ответить. Повисло несколько секунд молчания, а после он продолжил:

— Простите, забыл представиться: я Сера Арделян. Вы знали Марка?

— Приятно познакомиться, я Адам Келлеманс. Да, знал, но не так близко, как вы. Когда услышал, что он умер, пришёл навестить его.

— Понятно.

У Серы с собой были бутылка коньяка и пара стаканов. Он молча разлил по стаканам, и на какое-то время между нами повисла тяжёлая тишина у могилы. Сера пристально, чуть задумчиво посмотрел на меня — словно в этом чужом, статном незнакомце ему на миг почудилось что-то знакомое и несбыточное, — а затем перевёл взгляд на могилу и тихо спросил:

— Будешь?

— Да.

Он протянул мне стакан, и разговор сам собой пошёл дальше — уже не как разговор с посторонним, а как тихая исповедь человека, которому просто нужно выговориться:

— Пока я в Клуже, буду приходить сюда по пятницам, когда смогу. Его смерть заставила меня открыть глаза на то, что жизнь коротка — уволился с работы и открыл свой магазин.

Долго готовился к этому: нужно делать то, что мы действительно любим. Марк хотя и не хотел работать учителем из-за низкой зарплаты, но в глубине души ему нравилось учить детей — то, как он объяснял темы и разбирал задачи, было первоклассным, но он умер слишком рано. Всё ещё помню, как его отец сказал на похоронах: «Не по порядку устроена жизнь, когда отцу приходится провожать сына».

Ничего не мог сказать, словно что-то застряло в горле. Каково же было родителям хоронить своего ребёнка, которого они растили и знали всю жизнь. Пока молчал, Сера протянул мне стакан коньяка, ничего не сказал — просто взял свой и молча выпил рядом. А я стоял перед человеком из прежней жизни как чужой человек под чужим именем и понимал, что не могу ни открыть правду, ни разделить эту боль по-настоящему.

Глава III. Родители

На следующее утро проснулся рано — в семь утра — в хостеле. Накануне немного выпил, но полбутылки коньяка даже не подействовали: организм перерабатывал всё слишком быстро. Сейчас больше всего хотелось узнать, как дела у родителей и у Эллы. Напрямую показаться им не мог — пришлось прибегнуть к уловкам. Отец занимался строительством и почти всегда брал материалы в одном и том же магазине. Решил зайти к ним под видом доставщика: заказал оттуда шуруповёрт, сделал поддельный бланк доставки и раздобыл соответствующую одежду. Переоделся и отправился

к дому.

Было полдесятого, когда нажал на звонок. Через двадцать–тридцать секунд послышался голос младшего брата:

— Кто там?

— Доставка из строительного магазина мистеру Матею Раду.

— Пап, тебе доставка.

Брат ушёл вглубь дома, и через минуту вышел отец. Увидев его, мне стало тяжелее дышать: за эти дни он словно постарел на год. Смотрел устало, почти безучастно, будто ему было всё равно, что принесли.

— Здравствуйте, молодой человек, но я ничего не заказывал. Может, это ошибка?

Собравшись с мыслями, ответил:

— Здравствуйте, мистер Матей Раду. У нас в магазине проводилась акция — мы ценим постоянных клиентов и решили сделать вам небольшой подарок.

Протянул ему коробку с шуруповёртом.

— Спасибо вам, дорогой человек. Довольно приятный подарок. Где нужно расписаться?

— Вот здесь. Всего доброго, до свидания, мистер Раду.

— И вам удачи в работе, молодой человек.

Он держался вежливо и не хотел подавать виду, но я чувствовал, как ему тяжело. Маму увидеть не удалось, но я знал, где её искать: каждую субботу с пяти до шести вечера она ходит в местный собор. Надеюсь, этот день не станет исклю-

чением.

Времени оставалось много, поэтому вернулся в хостел, прилёг отдохнуть и пролистать ленту новостей.

Попадались посты о том, что некоторые страны начали войну друг с другом. Сидел на краю кровати в тесной, тихой комнате и чувствовал, как внутри закипает злость. Земля никогда не знала настоящего покоя, и всегда находятся те, кто готов втянуть других в бойню. Повод для войны придумывается легко — при желании его всегда можно назвать «вынужденной мерой» или «обороной». Смотрю на заголовки, и челюсти сжимаются сами собой: пропаганда так искусно подменяет желаемое действительным, что уже не разобрать, где правда. А те, кто затевает войну, считают свою жизнь дороже чужой — сами они не идут под пули, когда расплачиваться приходится другим. В тишине комнаты эта жестокость отзывается особенно остро — тем более когда сам только что потерял всё и видишь, как легко ломают людские судьбы. Погибнут военные и мирные жители, а когда начнут подводить итоги, государство первым делом посчитает потраченные ресурсы и деньги, и лишь потом — убитых солдат и осиротевшие семьи. Тем, кто остался инвалидом или потерял близких, кинут какую-нибудь подачку вроде скидки в пятьдесят процентов — и на этом всё, трудные времена. В такие дни люди чаще держатся друг за друга сами, чем ждут помощи сверху. А между государствами всегда найдётся третья сторона, которая протянет руку из холодного расчёта — чтобы

ослабить конкурента и навязать своё. Откладываю телефон с тяжёлым осадком: в сущности, любая война — это расчёт, в котором человеческая жизнь ничего не стоит перед теми, у кого власть.

Экран погас, и в тихой комнате остались только собственные мысли. На часах было уже шестнадцать ноль-ноль. В субботу с семнадцати мама будет в церкви. Надел тёмное — чёрные джинсы, чёрную футболку, сверху ветровку — и пошёл пешком: погода стояла хорошая, а час ходьбы помогал собраться с мыслями перед встречей.

На улице новое тело впитывало мир с пугающей чёткостью: шаг не сбивался ни на миг, дыхание оставалось ровным и глубоким, а весна чувствовалась в каждом вдохе — сырая земля, прохладный ветер, далёкий гул машин и приглушённые голоса за квартал отсюда. Пока шёл и прислушивался к этому слишком громкому миру, дошёл до собора. Вошёл в 16:57. Мама уже сидела внутри. Свободных мест хватало, но мне захотелось оказаться рядом с ней. Решился и сел в её ряд, оставив между нами лишь одно место. Просто сидел и украдкой смотрел на неё.

Когда служба закончилась, думал, что она встанет и уйдёт, но она осталась на месте. Повернулась и тихо спросила:

— Здравствуйте, молодой человек, за кого пришли помолиться?

С трудом выговорил:

— За родных.

— Надеюсь, молитвы сбудутся.

— Спасибо. Если не секрет — за кого пришли помолиться вы?

Хотя я уже знал ответ:

— За сына. Его не стало неделю назад.

Она тихо вздохнула, и в её словах звучала глухая, усталая материнская тоска:

— Он ушёл слишком рано. А я так хотела увидеть его детей.

Помолчала немного и добавила:

— Несмотря ни на что, просто любила его за то, что он мой сын.

Пока она говорила, по её щекам незаметно потекли слёзы. Прошло несколько секунд. Меня душила вина — было невыносимо видеть, как она надломлена.

— Уверен, что он тоже очень любил вас.

— Знаю. Хотя не умел показывать чувства, его поступки говорили сами за себя.

После этих слов меня словно придавило, но в то же время на душе стало чуть светлее. Она поднялась:

— Мне пора, молодой человек. Надеюсь, ты найдёшь своё счастье. Пусть Бог будет с тобой.

— Спасибо вам.

Она ушла, а я остался сидеть. В груди разверзлась тихая пустота, но в ней теплилось едва заметное тепло — оттого что хоть на миг разделил её горе и не оставил её в нём со-

всем одну. Тело было безупречным, но сердце по-прежнему не выдерживало бессильной любви. Что я мог сделать? Ничего. В этой беспомощности особенно остро чувствуешь, насколько мал перед судьбой. И всё же смириться навсегда не мог: обязан найти способ помочь им или подарить хоть каплю света. Но сейчас главное — сначала выжить самому в этом новом мире, даже если со стороны это покажется эгоизмом. «Найди своё счастье», — сказала мама. Может, в этом и есть мой путь: не жить тенью прежнего Марка Раду, а найти своё место и научиться быть счастливым.

Глава IV. Элла

Два дня спустя. Из рейса Клуж — Бухарест вышел молодой мужчина высокого роста и с модельной внешностью. Конечно, это был я: постепенно начинал привыкать к новому телу и к тому, как по-другому реагируют люди вокруг. В Бухаресте я когда-то служил в армии, а потом учился в университете — в общей сложности провёл здесь семь лет, мотаясь между Клужем и Бухарестом, поэтому город знал хорошо. Не зря его называют «маленьким Парижем»: широкие улицы, парки, аллеи и старинная архитектура влюбляют в себя с первого взгляда.

Больше всего хотелось узнать, как дела у Эллы. Занятия во второй половине дня у неё начинались в 13:30, и я направился к университету. Когда-то я впервые переступил его порог как студент — тогда вуз казался отдельным миром со своим ритмом, в котором ещё не было ни тяжёлых решений,

ни чужих тайн. Те годы до выпуска помнятся особенно остро: в них было столько лёгкости, которую ценишь по-настоящему только потом, когда беззаботность остаётся позади.

Подходить к Элле напрямую не мог, поэтому выбрал самый верный способ увидеть её со стороны. Слишком хорошо знал её привычки: если она сегодня придёт в университет, то перед началом учебного дня обязательно заглянет в знакомое кафе неподалёку, чтобы взять кофе с собой. Вошёл внутрь, занял место в стороне, откуда хорошо просматривался вход, и стал ждать, невольно погружаясь в воспоминания о прежней жизни — о друзьях, о первой большой любви и о днях, которые уже не вернуть. С той самой автобусной остановки неподалёку когда-то и началось всё...

Четыре года назад, в последних числах февраля, стояла редкая для этого времени ясная погода. После пар вышел из университета, подошёл к остановке и, как обычно, встал в углу, дожидаясь автобуса. Спустя пару минут подошли две девушки. Вокруг было полно людей, но взгляд всё равно зацепился за одну из них — за Эллу. Светлые волосы блондинки ловили редкое февральское солнце, тонкая талия, зелёные глаза, рост около метра семидесяти пяти — чуть ниже меня — и удивительно гармоничная фигура. Она не была красива как модель с обложки, но в ней чувствовалось что-то настоящее и притягательное, отчего хотелось смотреть на неё снова и снова. Внутри вспыхнул живой интерес, не похожий ни на что прежнее — редкое, цепкое чувство, которое

не сравнить ни с чем другим. Открытое, выразительное лицо притягивало всё сильнее, а в зелёные глаза, казалось, опасно смотреть слишком долго: задержишься взглядом — и уже не вынырнешь. Поймав себя на том, что смотрю на неё несколько минут подряд, постарался отвести глаза в сторону, чтобы не выдать себя и не показаться навязчивым — хотя внутри всё тянуло подойти и заговорить. Пока раздумывал, подошёл автобус, и она с подругой поднялась в салон. Это был не мой маршрут, но упускать шанс не хотелось — шагнул следом. В дороге присматривался к ней и заметил в руках книгу по журналистике — зацепка, которая сразу подсказала, где искать. Когда вышла на своей остановке и направилась к одному из домов, так и не решился подойти — зато понял, как смогу её найти.

Вернувшись домой, открыл студенческую базу университета, нашёл нужный факультет и перебрал анкеты девушек, пока не наткнулся на её профиль: Елена Тома, 2002 год рождения, родной город Бухарест, фото, телефон и остальные данные. Добавил номер в контакты, нашёл её в соцсетях — там сразу стало понятно, что сокращённо её зовут Элла, — долго всматривался в снимки и наконец написал. Так всё и началось: через несколько дней пригласил её на свидание в кафе. Устроились в отдельной комнате, где было тихо и не мешали лишние взгляды, — пока разговаривали и смеялись, ловил себя на том, что время от времени прокручиваю в уме цены из меню и с тревогой прикидываю, хватит ли денег на

всё. Когда официант принёс счёт за ужин, на мгновение напрягся из-за суммы, но в итоге всё прошло отлично: средств хватило, хоть кошелёк и заметно опустел. После ужина посадил Эллу в такси и проводил до дома, чтобы ей было удобно и безопасно, а сам отправился обратно на обычном автобусе, прислушиваясь к ночному гулу города и улыбаясь своим мыслям. В те дни не мог перестать думать об Элле.

В один из дней немного выпил с друзьями и, вернувшись домой поздно ночью, написал ей:

— Ты сейчас одна?

— Да.

— Могу я прийти к тебе домой?

После некоторой паузы пришёл ответ:

— Да, приезжай.

Быстро привёл себя в порядок, принял душ, чтобы не осталось даже следа запаха алкоголя, и отправился к ней. Через двадцать минут уже стоял у двери. Она открыла, успев сказать лишь тихое «Привет». Вошёл, закрыл дверь, обнял её за талию, прошептал на ухо, как сильно хотел её увидеть, и поцеловал. Она отвечала так же — та ночь стала нашей первой ночью вместе по-настоящему. Рядом с человеком, которого любишь по-настоящему, возникает чувство, которое не сравнить ни с чем на свете: острое, чистое, всепоглощающее желание быть рядом.

Воспоминания оборвались, когда дверь кафе открылась и внутрь вошла Элла. Замер и стал наблюдать за ней со сторо-

ны. Как и думал, подошла к стойке, заказала кофе с собой и встала в ожидании. Остальные видели просто девушку в очереди, но моё обострённое восприятие сразу улавливало то, чего не замечали чужие: сбитый ритм дыхания, скованность в плечах и ту глухую усталость, которой раньше в ней не было. Когда-то она словно согревала всех вокруг своим теплом, но теперь этот свет почти погас. Смотря на неё, сам почувствовал тяжёлую, глухую тоску — внутри всё сжималось от жалости и бессилия. Вскоре кофе был готов, расплатилась и вышла из кафе, а я пошёл оплатить свой заказ.

Даже если спустя время снова пересекусь с ней или попытаюсь вернуть прошлое, не уверен, что всё станет таким, как прежде. И даже если мы будем встречаться вновь, не смогу оставаться рядом надолго из-за своего нестареющего тела — даже если однажды раскрою тайну, я не смогу гарантировать ей счастье.

Прости, Элла, мне придётся отпустить тебя — только так ты сможешь стать счастливой. Прости.

Глава V. Собеседование

Четыре месяца спустя.

Последние дни августа, суббота.

Хорошо выспался. Когда открыл глаза, было почти семнадцать ноль-ноль. Мне нравится спать днём — эта привычка осталась ещё со службы в армии. Тогда мы спали с часу до пяти перед нарядом и с двух до шести после — всего восемь часов полноценного сна для солдат, хотя, если честно,

чистых восьми часов почти никогда не выходило: то подъём дадут на полчаса раньше, то осмотр затянется ещё на полчаса. Любопытно, но за всё время в новом теле я так ни разу и не видел снов — впрочем, и в прежней жизни они бывали редко, поэтому особого значения этому я не придал.

После того как увидел Эллу, решил покончить со старой жизнью и начать новую. С того момента прошло четыре месяца, и за это время я успел объехать почти всю страну. Дорога и новые места здорово встряхивают и наполняют энергией. Хорошо, когда есть возможность выехать за границу и посмотреть мир, но если поездка за рубеж не по карману, сначала стоит увидеть лучшее у себя дома — в каждой стране хватает удивительных уголков. Даже поездки по родной стране меня по-настоящему удивили: не ожидал, что здесь столько красивых мест и везде свой уклад, свои развлечения и традиции.

Несколько дней назад вернулся в Бухарест и снял квартиру. Пришло время искать работу. Открыл объявления в интернете и принялся перебирать:

— Доставка еды — не подходит.

— Продавец в супермаркете — не подходит.

— Официант — не подходит.

— Опять продавец — не подходит.

— Телохранитель — не подходит... хотя, если подумать, почему бы и нет? За эти четыре месяца я до предела привык к новому телу. Сила, скорость, реакция и выносливость дав-

но вышли за человеческие рамки, но даже такому организму нужна еда. Стоит плотно поесть за один раз — и чувство голода не возвращается целых два дня, а порой и дольше. Страшно даже прикинуть, сколько суток я способен продержаться без пищи и воды. Со сном то же самое: хватает часа-двух крепкого отдыха в сутки, а на ногах я могу держаться по три дня без малейшей сонливости. Так что работа телохранителя мне вполне подходит — другое дело, с каких пор охрану ищут через интернет? Зато платят хорошо. Посмотрим, какие требования:

Служба в армии, знание боевых искусств, хорошая физическая подготовка. Возраст до тридцати лет, опыт работы не указан. Документы: паспорт и аттестат...

Объявление показалось любопытным, да и график подходил. По правде говоря, терять мне всё равно было нечего — позвонил по указанному номеру:

— Алло.

— Алло.

— Здравствуйте, звоню по поводу вакансии телохранителя.

— Здравствуйте, да, нам нужен телохранитель.

— Когда можно подъехать на собеседование?

— Вы сегодня свободны?

— Да.

— Тогда сможете подойти в девятнадцать ноль-ноль? Адрес пришлю на телефон.

— Конечно.

Вскоре пришло сообщение с адресом. Это оказался престижный район Бухареста, где живут состоятельные люди. Собрался, принял душ, поел, проверил документы и вышел из дома. Вышел в восемнадцать пятнадцать, поймал такси и через полчаса был на месте. У нужного дома меня встретили высокие чёрные ворота; подошёл и нажал на звонок.

— Кто там?

— Я Адам Келлеманс. Здравствуйте, пришёл насчёт работы.

Через минуту ворота открыл мужчина лет пятидесяти:

— Здравствуйте, заходите. Один из сотрудников сейчас проводит вас к господину Луке Паску. Подождите здесь немного.

Как и сказал сотрудник, через пару минут подошли ещё двое мужчин и проводили меня в кабинет. Сам особняк был выстроен в стиле восемнадцатого века — вход напоминал ворота старинного замка. Поднявшись по лестнице к зданию, подошёл к двери одной из комнат, постучал и вошёл после короткого, глухого разрешения, а затем и жеста приглашения.

Внутри сидел мужчина лет пятидесяти — элегантный, в классическом чёрном костюме, с ухоженной бородой и зачёсанными назад в хвост волосами. Он заговорил первым:

— Здравствуйте, меня зовут Лука Паску. Рад знакомству.

— Здравствуйте, взаимно, я Адам Келлеманс.

Мы пожали руки, присели, начался разговор:

— Адам, прежде чем говорить о самой работе, задам несколько вопросов. Для начала расскажите немного о себе.

— Я из Клужа, мне двадцать два. Почти всю жизнь прожил в Клуже, после школы пошёл в армию. А недавно перебрался в Бухарест, чтобы жить и работать здесь.

— Где именно служили?

— В системе Министерства внутренних дел Румынии — Ministerul Afacerilor Interne, в Бухаресте.

— Хорошо. Какими боевыми искусствами владеете?

— Кикбоксингом.

Назвал кикбоксинг не случайно: ещё в университете Сера Арделян нередко показывал мне приёмы бокса — вернее, чуть ли не силой навязывал их на тренировках. Кое-какая база у меня осталась, но вслух я решил назвать именно кикбоксинг, чтобы сразу дать понять: я умею пускать в ход ноги, а с нынешней нечеловеческой силой это серьёзное преимущество.

— Отлично. Расскажу о работе: нужен телохранитель для дочери господина Петре Луческу. Её зовут Мирра Луческу, ей восемнадцать, в этом году поступила в университет. Господин Луческу ищет для неё постоянного личного телохранителя — сопровождать её придётся везде, выходных нет, хотя о срочных личных делах можно предупредить заранее. Главное требование босса — умение хорошо драться и надёжно защитить дочь. Если не против, хочу проверить ваши

навыки в деле. Прежде чем согласитесь, скажу об условии испытания: вам предстоит одолеть троих наших охранников в бою один против троих.

Вот в чём подвох. Теперь понятно, откуда такая высокая зарплата — положить троих профессиональных охранников в одиночку? Три против одного? Со стороны это выглядит как заведомое избиение. Неужели они дают объявления только ради того, чтобы калечить добровольцев? Но сегодня им не повезло — мне самому хотелось проверить предел нового тела.

Ответил без долгих раздумий:

— Хорошо, я согласен. Где и с кем нужно драться?

— Согласны?

В глазах Луки Паску мелькнуло лёгкое удивление.

— Да.

— Тогда пойдёмте в тренировочный зал.

Пройдя в зал, он позвал троих охранников — крепких, отлично сложенных парней. Они подошли, и Лука Паску нас представил:

— Адам, познакомься: это Костел, Симион и Флорин.

— Здравствуйте, рад знакомству.

— Здравствуй, тоже взаимно, — ответил за всех Костел.

— Приготовьтесь и подайте знак, когда будете готовы.

Я снял лишнее, размялся и через несколько минут кивнул:

— Все готовы?

— Да, — откликнулись все.

— Порядок такой: бой заканчивается, когда один из участников сдаётся или не может продолжать. Начали.

Сразу после старта первым рванулся Костел. По тому, как он двигался и держал руки, было ясно: перед нами боксёр. Подпускать его вплотную нельзя — я пробил ногой с разворота. Он успел подставить руки, но удар всё равно отбросил его на несколько метров. Тем временем Симион сократил дистанцию и пошёл с удара ноги — слишком медленно для моих рефлексов. Я ушёл с линии атаки и выбросил левый боковой точно в открытую челюсть. Этого хватило, чтобы вырубить его на месте — первый готов.

В ту же секунду сзади меня перехватил Флорин, пытаясь бросить через бедро. Раздумывать было некогда: я зажал его ногу между своих, не дав провести бросок, и, пустив в ход всю силу этого «монстра», развёл его руки и вырвался из захвата. Резко развернулся для удара — и по выражению его лица увидел, что он уже сдаётся и признаёт поражение, хотя по инерции всё равно пробил правым. Второй тоже выбыл; оставался только Костел.

Он уже поднялся и шёл на меня. Внутри словно стало горячо, и я был уверен в себе как никогда. Когда Костел подошёл достаточно близко, я шагнул вперёд и нанёс горизонтальный удар ногой в голову. Третий тоже готов — он даже не успел среагировать. Я знал, что одолею их, но не думал, что всё пройдёт настолько легко.

Обернулся к Луке Паску: он стоял неподвижно, смотрел

на меня и молчал, словно взвешивая увиденное. Наконец произнёс:

— Впечатляет. Пойдёмте со мной.

— А как же они?

— Персонал уже спешит им помочь.

Я пошёл за Лукой Паску, прислушиваясь к тому, как приходят в себя охранники. Отойдя в сторону, Лука Паску заговорил:

— Для этой работы вы подходите, но сначала мне нужно посоветоваться с боссом. Думаю, он согласится — ответ дадим в течение недели.

— Хорошо, буду ждать.

Попрощавшись с Лукой Паску, я вернулся к себе в квартиру.

Глава VI. От лица Луки

После того как Мирра поступила в университет, босс велел мне подыскать для неё надёжного телохранителя. Я предложил ему нескольких наших ребят, но он отказал. Потребовал найти нового человека и обязательно проверить его в деле перед тем, как брать на работу. У меня сразу появилась подозрение, зачем ему нужен человек со стороны: наверняка внутри персонала завёлся предатель. В нашем кругу босса часто понимают с полуслова, а с Петре Луческу мы идём бок о бок уже двадцать восемь лет — начинали с самых низов, где он был мозгом, а я — кулаком нашей команды. После армии мы пробовали себя в разных делах. Пять-шесть

лет мне хватало заработанного на жизнь, но отложить на что-то по-настоящему серьёзное не получалось. Тогда мне нужно было купить машину, обзавестись квартирой и создать семью, а годы шли — я начал понимать, что если ничего не поменять, так и проработаешь впустую.

Однажды ко мне заглянул армейский друг — Петре Луческу. Мы оба были из Бухареста, поддерживали связь и время от времени виделись по разным поводам. Мы сидели у меня в гостиной и разговаривали:

— Лука, тебе не надоело всё это?

— Что именно?

— Прикинь, сколько ты смог накопить за эти годы после армии. Прошло уже больше пяти лет, а мы до сих пор не сделали ничего серьёзного: ну, может, сейчас оба потянем старую машину, а может, ещё через пять-шесть лет купим по квартире отдельно от родителей. Но нам же нужно думать о семье, обеспечивать её и поднимать детей.

— Ну да, что поделаешь — жизнь штука непростая.

— Друг, так ты в этой жизни ничего не добьёшься, просто сидя на зарплате.

— Скажи уже прямо, чего ты хочешь, а то после этого длинного монолога я вообще не понимаю, к чему ты клонишь.

— Надо рискнуть и открыть своё дело.

— Какое дело?

— Букмекерскую контору.

— Нет, друг, нет, это не вариант. Ты серьёзно? Почему ты так решил?

— Просто выслушай меня сначала, ладно? Будем копировать события и линии у зарубежных букмекеров. А матчи возьмём в основном из топовых лиг — крупные турниры тоже не обойдём, по ним проще отслеживать результаты и статистику. Сейчас в городе контор почти нет, можно занять хорошую нишу; к тому же большинство работает в основном со скачками или футболом, а выбор небольшой.

— На словах всё гладко, но на деле в этом слишком много подводных камней.

— Знаю, потому мне и нужен ты. В этом мире выживает сильнейший — так было всегда, и нам понадобится твёрдая хватка. Постепенно наберём надёжных ребят. Для старта положим то, что скопили за эти годы, этого должно хватить для начала; ставочники часто проигрывают, капитал будет расти, а те, кто победил, через день снова ставят и проигрывают с процентами — в итоге снова оставляют эти деньги у нас, а за частыми выигрышами будем следить. Будем принимать ставки и в долг, под расписку или залог: если человек проигрывает, нам уже нечего терять, и нам придётся иногда жёстко выбивать деньги. Детали обсудим позже, главное — мы оба понимаем, на что идём; поверь, в этом деле без риска никак.

— Честно говоря, я давно подумывал о своём деле, просто не видел подходящего варианта. Но нас двоих хватит для старта?

— Как только появится первый капитал, начнём набирать людей — аккуратно, расширяя бюджет. Сначала знакомых, потом ребят со своего района.

— Ладно, ты меня убедил, но предлагаю привлечь ещё кое-кого.

— Кого именно?

— Виктора. Ты тоже его знаешь, зная его характер, он не откажется.

Так в 1998 году начался наш совместный бизнес — мой, Петре Луческу и Виктора Айзенберга. По мере роста мы нанимали всё больше людей: сначала принимали ставки на местные скачки, затем на местных спортсменов и футбольные команды. Со временем мы выросли в крупного игрока индустрии ставок в Бухаресте. Но в документах работали как контора со скромными налогами. А в 2009 году запустили онлайн-платформу, полностью вышли в легальное поле и стали платить налоги как положено. В личной жизни у меня тоже всё складывалось: я создал семью, растёт сын Александр — ему сейчас девятнадцать, а у Петре дочь Мирра — ей восемнадцать. У нашего третьего партнёра, Виктора, детей не было. Когда дети начали подрастать, мне не хотелось, чтобы сын знал о тёмной стороне моих заработков или сталкивался с расспросами сверстников — лишняя огласка была ни к чему. Поэтому в 2018 году я предложил партнёрам продать контору. Петре поддержал меня, а Виктор отказался: ему было жаль расставаться с «денежным деревом», которое

регулярно приносило прибыль. В итоге мы продали свои доли, а он оставил за собой акции. Расстались мы не лучшим образом: Виктор не смог выкупить наши доли, и мы продали их посторонним людям. После этого он затаил на нас обиду, считая, что мы его предали, хотя тридцать пять процентов компании по-прежнему оставались за ним — тогда нашим детям было одиннадцать и десять лет. Помимо конторы, у Виктора была своя компания «X-tech», основанная ещё в 2005 году на деньги с БК; доходы от ставок он вкладывал в неё, собрав сильных исследователей в области искусственного интеллекта и высоких технологий, а за двадцать с лишним лет там разработали биопротезы и искусственные органы. Насколько я слышал, такие разработки стоят баснословных денег и доступны лишь самым богатым. Чтобы вести более-менее легальный бизнес, Петре брал на себя управление, переговоры и контракты, а я занимался тем, что скрыто от посторонних глаз: давил на нужных людей ради тендеров, расчищал площадки под застройку, убеждал людей продавать недвижимость, когда это требовалось, и отвечал за безопасность. В сфере строительства мы работаем с 2018 года, но в мире бизнеса уже давно — и убедились: у мелких предпринимателей правила одни, а когда дело доходит до крупных игроков, законы меняются. Мир устроен так, что правила задают сильные люди и большие умы, за которыми идут остальные. Время летит быстро, и через пять-шесть лет всё это предстоит передать нашим детям. Раздумывая, как най-

ти телохранителя, я понимал: если Петре не доверяет прежней охране, то со сторонними агентствами тем более связываться нельзя — им важны только деньги, и они могут сработаться с нашими врагами, которых за эти годы накопилось немало. По дороге в офис я спросил совета у водителя, и он предложил дать объявление в интернете и проверить тех, кто откликнется. Идея показалась странной, но я решил попробовать. В объявлении не указывал ни название компании, ни своё имя — только номер телефона, сам запрос на телохранителя и среднюю зарплату по рынку, хотя ради защиты Мирры был готов платить больше. В первый день пришли двое: я заранее предупредил сотрудников, чтобы направили их ко мне, но оба испугались и ушли, услышав про бой против троих. На второй день пришли ещё двое: первый тоже отказался после оглашения условий, а второй пришёл под конец рабочего дня — уже через пять минут меня ждал, и к моему удивлению он согласился на бой почти без раздумий. Но по-настоящему я был потрясён тем, что увидел дальше: этот парень меньше чем за минуту отправил в нокаут троих элитных охранников — каждого из которых я лично проверял при наборе и каждый из которых в прошлом был мастером своего вида спорта. Честно говоря, я хотел лишь проверить, не спасует ли он перед численным перевесом, и взял бы его, если бы он продержался хотя бы минуты три или показал достойный уровень мастерства. Но он разнёс их в пух и прах; я отпустил его домой и вернулся к ребятам узнать,

как всё прошло. Когда зашёл к ним, они уже приходили в себя — отделались парой синяков. Я спросил их:

— Как так вышло, что обычный парень уложил вас троих вместе?

— Босс, вы где его вообще взяли? Он что, чемпион? Вы же не предупреждали, что придётся драться против какого-то монстра... — ответил Симион.

— Нашёл по объявлению в интернете. Никаких титулов и разрядов у него нет, сказал, что просто занимался кикбоксингом.

В разговор вступил Костел:

— Какой там кикбоксер. По стойке я решил, что вы привели его на избиение — он просто стоял, и не похоже было, что он вообще умеет драться. Но после первого удара ногой, который я попытался заблокировать, возникло ощущение, что бьёшься с Голиафом — кости рук заныли от силы и скорости. А второй удар ногой я даже не успел разглядеть.

Подхватил Флорин:

— Босс, этот парень точно не из обычных — настоящий монстр в человеческом облике. Таких силы, скорости и реакции я в жизни не видел и вряд ли ещё увижу. Когда зашёл ему за спину, уже думал, что дело сделано, но при попытке броска моя нога оказалась зажата, а руки он просто развёл чистой силой — я даже сопротивляться не смог, почувствовал себя перед ним совершенно бессильным.

— Ясно. Сегодня и завтра отдыхайте, послезавтра выхо-

дите на смену.

— Есть, босс, — ответил за всех Костел.

Вернувшись в кабинет, я набрал знакомому из полиции, из отдела общественной безопасности:

— Алло, Роман, здорово, как дела?

— Здравствуйте, Лука, нормально, как сами? Чем могу помочь?

— Спасибо, всё в порядке. Хотел попросить об услуге.

— Слушаю вас.

— Есть кандидат, хочу взять на работу, нужно пробить его по полной — все данные, нет ли связей с конкурентами или какими-то другими структурами.

— Без проблем.

— Спасибо, сейчас скину данные в профайл.

Меньше чем через час Роман перезвонил и прислал досье. Всё сходилось с тем, что парень рассказал на собеседовании: почти всю жизнь жил в Клуже, после школы служил в МВД в Бухаресте, недавно перебрался в столицу. Выяснилось также, что он с раннего детства остался без родителей и его воспитывал дедушка. Одним словом, биография чистая. После этого я позвонил Петре и сказал, что телохранитель для Мирры найден — но в глубине души чувствовал, что этот «чистый» парень ещё преподнесёт нам немало сюрпризов.

Глава VII. Первый рабочий день

После собеседования я вернулся в квартиру. По дороге

купил поесть. Было уже за полночь, но спать не хотелось. Раньше мне остро не хватало и одиночества, и простого отдыха, а позволить себе это я не мог — даже по вечерам составлял тесты для учеников или писал поурочные планы. Изредка удавалось провести время с Эллой или посидеть с Серой. В наше время профессия учителя — дело неблагодарное. Иногда я ловил себя на мысли, что лучше работать в такси или в любой другой сфере: заработок выше, а свободного времени больше. Если подкопить денег, можно открыть своё дело — например, прокат машин: начать с двух-трёх авто, постепенно расширяться и в итоге получать больше среднего дохода по стране. Учительствовать можно и после пятидесяти-шестидесяти, когда уже нечем заняться. Оглядываясь назад, признаю: пойти в учителя было ошибкой. Я проработал меньше года и уже собирался уходить. До начала работы казалось, что полдня занят, а остальное время свободно или подойдёт для подработки, но пока не окажешься внутри сферы, не поймёшь, как она устроена на самом деле.

На следующий день со мной связался Лука и сообщил, что я могу приступить к работе уже в понедельник. В этот день я решил купить кое-что из одежды и вещей для работы — Лука позаботился об этом заранее и перевёл на мой счёт солидную сумму. Оставшееся время я решил потратить на отдых — неизвестно, когда ещё выдастся такая пауза: поиграл в онлайн-игры, посмотрел кино, расслабился.

Понедельник. Проснулся рано утром в 6:00, сделал

несколько физических упражнений. Хотя для этого тела они уже ничего не меняют, привычка осталась. Принял душ, позавтракал и к семи был готов. Вышел на улицу, поймал такси и поехал по адресу, где проходило собеседование. Поднявшись к месту, я нажал на звонок и услышал в ответ:

— Кто там?

— Здравствуйте, я Адам Келлеманс.

— Подожди минуту.

Через минуту ворота открыл мужчина лет пятидесяти-шестидесяти — наполовину седой, без единой лысины, в отличной атлетической форме, несмотря на возраст. Это был тот самый охранник, которого я видел здесь в день собеседования.

— А, новенький, добро пожаловать! Я Борис Попеску — зови просто Боро.

— Рад знакомству.

— Взаимно. Удачи на службе, если что понадобится — спрашивай, не стесняйся.

— Спасибо. Где мне найти господина Луку?

— Сейчас, он ждёт тебя. Дворецкий проводит.

Пока мы говорили, подошёл дворецкий и повёл меня к дому. По пути я заметил ухоженный сад, а сам особняк был выстроен в старинном стиле. Увидев нас, Лука поднялся навстречу:

— Здравствуйте, господин Лука.

— Здравствуй, Адам. Как дела? Проходи, присаживайся.

Зови просто «босс» или «Лука», без лишних церемоний.

— Хорошо, понял вас, босс.

— Адам, ты, наверное, уже догадался: это особняк Петре Луческу. Наша строительная компания называется «МАПЛ Констракшн» — «МАПЛ» сложено из первых букв наших имён и имён наших детей. Мы с Петре основали её вместе. Он отвечает за бизнес, переговоры и контракты, а я — за безопасность самой компании и наших семей. Петре попросил лично подобрать телохранителя для Мирры — для меня она как родная дочь. Ты произвёл хорошее впечатление. Вот контракт, ознакомься.

В договоре мне сразу бросилась в глаза строчка об оплате: за работу по защите Мирры — восемь тысяч евро в месяц, включая дальние поездки. Сумма куда выше обычной и заметно больше той, что фигурировала в объявлении. К тому же всё необходимое для охраны Мирры оплачивается отдельно, а при любой тревоге я должен звонить Луке напрямую.

— Понял вас, босс.

Я всё ещё переваривал эти цифры — для меня это была почти половина зарплаты учителя за год. Пока я читал бумаги, Лука добавил:

— Дам тебе служебную машину, сможешь пользоваться ею постоянно — и по делам службы, и по своим маршрутам. Только регулярно показывай её нашим техникам для проверки.

— Хорошо, босс.

Подписав документы, я пошёл за Лукой в гараж. Там он протянул мне ключи от BMW:

— Скоро познакомлю тебя с Миррой. Наберу, когда она будет готова, а пока осмотри машину.

Лука вышел, оставив меня одного. Машина действительно была класса люкс — выверенная, мощная, скорее произведение инженерного искусства, чем просто средство передвижения. Минут через десять меня позвал Лука. Я шёл к дому по его зову и, подойдя к двери, застал самый конец разговора:

— Дядя Лука, вы опять наняли очередного амбала, чтобы он ходил за мной по пятам, словно охраны мало? Я уже взрослая, мне нужно личное пространство! Мне тяжело от всего этого, я просто хочу нормально жить.

— Поверь, это ради твоей безопасности. Папа очень волнуется за тебя. У него немало врагов.

— Они не имеют ко мне отношения, я могу жить отдельно.

— Во-первых, это распоряжение отца. Во-вторых, есть люди, для которых семья ничего не значит — они готовы ударить по любому слабому месту. А в-третьих, этот парень не из прежней команды, думаю, с ним тебе будет проще.

— Что вы имеете в виду?

Чтобы не выглядеть человеком, который подслушивает под дверью, я тихо постучал.

— Входите, — отозвался Лука.

Я вошёл в кабинет. Рядом с Лукой стояла девушка.

— А вот и он. Адам, это Мирра — с сегодняшнего дня ты отвечаешь за её защиту. Мирра, познакомься, твой новый телохранитель Адам Келлеманс.

Я сразу понял, кого мне предстоит охранять. Чёрные волосы, фарфоровая бледность кожи, тонкие черты лица, рост около метра семидесяти, подтянутая, спортивная фигура — сразу видно, что в зале она проводит много времени. Из-за разницы в росте ей приходилось поднимать взгляд, чтобы смотреть мне в лицо. Выражение её лица оставалось абсолютно спокойным, почти отстранённым, и заговорила она первой:

— Дядя Лука, если враги отца действительно решат напасть на меня, вы правда думаете, что один человек их остановит?

— При такой угрозе он справится. А если ситуация окажется слишком жёсткой — задержит нападавших и сразу свяжется со мной. До любой точки города я доберусь минут за десять.

— То есть выбора у меня всё равно нет?

— Нет.

Я сделал шаг вперёд и представился:

— Здравствуйте, я Адам Келлеманс. С этого дня буду защищать вас.

— Здравствуйте, я Мирра Луческу. Если дядя Лука вам

доверяет, у меня нет причин сомневаться. Через час у меня встреча с одноклассниками, буду готова минут через двадцать.

— Хорошо.

Мирра вышла из кабинета. Когда мы остались вдвоём, Лука напутствовал меня:

— Если что-то пойдёт не так — сразу звони мне. И не оставляй её без присмотра наедине с посторонними.

— Хорошо, босс.

Я спустился в гараж, вывел машину и подал её ко входу. Ровно через двадцать минут вышла Мирра. По дороге я посматривал на неё в зеркало заднего вида: она то смотрела в окно, то листала телефон, но ни разу не выдала ни одной яркой эмоции. Ближе к цели она сказала:

— Адам, когда приедем в кафе, не нужно стоять у меня за спиной — просто сядь за соседний столик.

— Хорошо.

В центр города мы приехали около 10:00 утра. В кафе Мирра подошла к столику, за которым сидели две девушки — блондинка и рыжая — и поздоровалась с ними. Лицо Мирры оставалось невозмутимым. Я устроился неподалёку за соседним столиком. Подруга первой начала разговор:

— Мирра, привет! Как дела, что нового? И кто этот парень, который ходит за тобой?

— Мой телохранитель.

— А я уж подумала, ты наконец нашла себе парня... ну

да, куда там.

— Он больше похож на модель, чем на охранника, — включилась блондинка.

— Девчонки, честно, такому красавцу место в кино, а не в охране.

— Мелисса, тише, он может услышать.

Девушки замялись и притихли. Они думают, я не слышу? Мне даже жаль их: мой слух куда острее человеческого, я без труда различаю голоса по всему залу. Как в кино бывает — хочется иногда быть проще и честнее с окружающими, но позволить себе этого я не могу: слишком многое в моём существовании должно оставаться тайной. Всё время, пока подруги обсуждали меня, на лице Мирры не дрогнул ни один мускул.

В кафе они пробыли почти два часа — ну что такого сладкого в этих бесконечных разговорах? А потом начался шопинг. Больше трёх часов непрерывного хождения по магазинам — для человека, который не любит пустую трату времени, испытание не из лёгких, больше похоже на пытку. К четырём мы пришли в зал: там Мирра спокойно занималась лёгкими упражнениями без тренера — чувствовалось, что зал для неё привычное место, хотя эмоций она по-прежнему не проявляла. После пяти мы уже возвращались домой. Мирра зашла в дом, я припарковал машину и вышел прогуляться по саду.

Вскоре меня окликнул Боро:

— Ну как, Адам, осваиваешься?

— Да, пока всё спокойно.

— Заходи, выпьем чаю. Ты хоть пообедал сегодня?

— Не голоден.

— Не стесняйся. Если заскучаешь — заглядывай сюда или иди в комнаты для персонала, там можно передохнуть и перекусить, стоит только сказать горничным.

— Хорошо.

Боро налил чай, поставил стаканы на стол и сел. Его будка у ворот оказалась на удивление уютной: диван, кресло, холодильник, телевизор, пульт и кнопки управления воротами и камерами.

— Слушаю тебя.

— Давно здесь работаешь?

— Почти двадцать лет.

— Можно спросить?

— Конечно, спрашивай.

— Заметил сегодня, что Мирра вообще не показывает эмоций. Это у неё из-за чего-то или просто характер такой серьёзный?

— После того как не стало её матери, она сильно закрылась и почти не показывает эмоций. Со стороны может показаться, что она холодная или суровая, но на самом деле девчонка очень добрая.

— Понятно.

— А ты сам расскажи: как ты уложил троих ребят Луки

меньше чем за минуту? Профи-боец в прошлом или спецподготовку проходил?

— Нет. Ни профи, ни спецшкол — просто жизнь сделала меня таким...

В этот момент в дверь заглянула горничная с подносом:

— Мистер Адам, Мирра передала, чтобы вам принесли еды — сказала, вы ещё не ели.

Я растерялся, и за меня ответил Боро:

— Диана, ставь сюда и передай Мирре спасибо от Адама.

— Хорошо.

Она поставила поднос и вышла.

— Ну что ты застыл, Адам? Я же говорил: Мирра добрая, даже заметила, что ты голодный.

— Пожалуй, ты прав.

Мы поужинали и ещё какое-то время посидели, болтая о всякой всячине. Больше Мирра никуда не выходила, а после десяти вечера я сел в машину и поехал домой. Так закончился мой первый рабочий день.

Глава VIII. Учебный день

Четверг, 1 сентября. С моего первого рабочего дня прошло уже несколько дней. Рано утром я был на ногах: сегодня Мирра впервые отправляется в университет. Первая пара начинается в 9:00. В 8:20 мы уже выехали. По иронии судьбы — в тот самый университет, где когда-то учился я сам.

Если такая вещь, как судьба, действительно существует, может ли быть, что вся жизнь человека прописана задолго до

его рождения? Значит ли это, что мы сами не выбираем, как нам жить, — или судьба заранее знает каждый наш шаг? И если так, можно ли её сломать? Простому смертному в этом разобраться нелегко.

За пять минут до начала пары мы уже были в аудитории. Лука заранее договорился, чтобы меня пускали на занятия вместе с Миррой. Она учится на философии; корпуса литературы и химии стоят в стороне, поэтому вряд ли я столкнусь здесь со старыми преподавателями или знакомыми. Элла окончила университет ещё в прошлом учебном году — её здесь уже нет.

Первая пара в новом учебном году у всех проходит с кураторами. Мы сидели не в большом лектории, а в аудитории для практических занятий. В группе было пятнадцать человек: одиннадцать девушек и четверо парней. Глядя на этот расклад, неудивительно, почему среди тех, кто любит пофилософствовать о жизни, всё больше женщин. Когда все собрались, пара началась. Я устроился на краю самого последнего ряда, а Мирра села впереди меня — в предпоследнем. В аудиторию вошёл преподаватель лет тридцати-тридцати четырёх и представился:

— Здравствуйте всем. Я ваш преподаватель по философии, а также куратор вашей группы...

Пара шла спокойно — студенты знакомились друг с другом. Из-за сдержанного характера и закрытого лица Мирра казалась окружающим человеком серьёзным, почти непри-

ступным — и в этом была своя правда. После смерти матери она сильно замкнулась и редко выдаёт эмоции. Со стороны она выглядит холодной, и дружбу заводить ей, наверное, непросто. За эти дни я уже несколько раз говорил с ней: она указывала маршрут, иногда просила сесть за соседний столик, а не стоять за спиной. Но, несмотря на внешнюю отстранённость, могу сказать: она добрая — всегда просит, чтобы я присел, и всегда всё замечает, когда я ещё не ел, хотя совсем не обязана этого делать.

Пары прошли без происшествий. После университета мы пообедали в кафе, а затем поехали в зал. Там Мирра, как обычно, занималась упражнениями, но на этот раз к ней попытались подойти двое парней. Я встал у них на пути, и один из них заговорил:

— Здравствуйте. Я Лукаш Шадли, бывший тренер Мирры, хотел бы с ней поговорить.

— Только если мисс Мирра не против.

— Адам, пусть подойдут, — сказала Мирра.

— Мисс Мирра, я готовлю этого парня к европейским соревнованиям по боксу, но сегодня его спарринг-партнёр не смог прийти. Если вы не против, не сможет ли ваш телохранитель один раз провести спарринг с моим подопечным?

— Я не против, но спросите у него — согласен ли он.

— Мистер Адам, не поможете нам?

— Нет, — ответил я.

— Пожалуйста, прошу вас. Я готовлю его к соревнова-

ям, в зале нет никого, кто смог бы помочь, а раз вы телохранитель Мирры, вы должны быть сильным.

— Мирра, вы не против, чтобы я провёл спарринг? — уточнил я у неё.

— Нет, — ответила она.

После этого я снял верхнюю одежду, и мы вышли на ринг. Мирра и ещё несколько человек из зала остались посмотреть, а тренер встал рефери. Когда всё было готово, он спросил:

— Вы готовы? Адам Келлеманс и Алекс Молдован?

— Да, — ответили мы оба.

— Спарринг по правилам бокса, удары ниже пояса запрещены. Бой!

Спарринг начался. Честно говоря, мне самому было интересно проверить, каково это — работать в ринге с профессионалом. Алекс пошёл в атаку с первых секунд. Я уходил от ударов за счёт скорости, но от плотных серий профи-бойца уклоняться было непросто: часть ударов гасил блоками, от остальных уходил нырками и уклонами. Главным было не позволить зажать себя в угол. Поначалу удавалось держать дистанцию, но затем он начал атаковать жёстче и плотнее — всё-таки профессионал, а перед нами ринг. Вскоре он всё же прижал меня к углу. Вырваться оттуда было почти невозможно: я держал защиту и выжидал момент для контратаки. В какой-то момент Алекс слишком увлёкся атакой и открылся. Я резко ушёл от удара и выбросил встречный удар правой

в голову. Он явно не ожидал этого и не успел сгруппироваться. После удара Алекс остался лежать на ринге без сознания. В зале воцарилась тишина — никто не ждал такого финала.

Тренер среагировал первым и подбежал к своему бойцу:

— Всё, бой окончен!

Он попытался привести Алекса в чувство, а затем крикнул:

— Зовите медицинский персонал!

В элитных клубах бывают свои медики — врач подошёл через минуту, а через несколько минут Алекс пришёл в себя. Лукаш немного выдохнул, подошёл ко мне и сказал:

— Мистер Адам, спасибо вам за спарринг и простите, что отнял у вас столько времени. У Алекса лёгкое сотрясение.

— Ничего, и вы меня простите — не думал, что удар окажется настолько сильным.

— Это не ваша вина.

Попрощавшись с Лукашем, мы переоделись и поехали домой. По дороге Мирра вдруг заговорила:

— Адам...

— Да, слушаю вас.

— Где вы научились так драться?

— Нигде... просто жизнь сделала меня таким.

— И что же это была за жизнь, что сделала вас таким?

Я промолчал. Она наверняка решила, что мне тяжело вспоминать прошлое, но я просто не мог сказать правду.

— Самую обычную, — ответил я наконец.

Она помолчала минуту, а потом сказала:

— Не верю, что ты не тренировался. Тебе приходится весь день быть со мной, наверное, у тебя нет времени для тренировок или ты занимаешься по ночам?

— Нет, я не тренируюсь.

— Если захотите потренироваться, можете заниматься, когда мы в зале.

— Спасибо, но мне не нужно.

После этих слов она замолчала. Мы приехали к дому, она вошла внутрь, а я припарковал машину и направился к Боро. По пути заглянул в комнату для персонала, но есть не хотелось, и я решил посидеть с Боро.

— Здравствуй, старик. Как дела?

— Привет, Адам. Как сам, как прошёл университет?

— Довольно спокойно.

Через несколько минут пришла Диана и принесла еды. Мы с Боро поужинали, а потом сидели, разговаривая о разном. В этот день Мирра больше никуда не выходила. Когда наступил вечер, я выехал из особняка.

Домой я отправился не сразу — решил проехаться по городу. Когда-то в двадцать лет я мечтал о таком: прокатиться до университета на новеньком BMW, хотя тогда мог позволить себе разве что арендовать бюджетную машину и таксовать в свободное время, чтобы покрывать расходы. Сколько лет прошло, а по-прежнему хочется простой женской ласки, тепла и заботы... В школе бегаешь за одноклассницей, по-

стоянно переписываешься, созваниваешься, ходишь на частые свидания — в юности всё ощущается остро. Потом, после армии, в университете — уже встречи в кафе, кино, разных местах; когда живёшь отдельно от родителей, никто не дёргает звонками и не зовёт домой, поэтому там проще увидеть настоящего «я». Но с годами всё становишься спокойнее: угасает желание часами болтать по телефону, хочется, чтобы человек понимал тебя с полуслова или без слов, дарил тепло и заботу, а взамен — проводить время вместе, делать подарки, показывать любовь поступками. Вроде бы нам, мужчинам, не нужно многого, но женщины нас не понимают — мы не можем постоянно сидеть в телефоне и писать каждую минуту, а потом выслушивать упрёки: «Ты не звонил утром», «Зачем не отвечаешь?» Как можно звонить человеку каждые полчаса и писать каждые пять минут, что просто сидишь в телефоне и ждёшь? Это больше похоже на работу диспетчера. И приходится тянуть отношения, даже когда понимаешь, что уже ничего не получится. Да, важно, чтобы девушка звонила и узнавала, как ты, ведь тот, кому ты безразличен, не будет проявлять интерес и заботу. Сам уже запутался, чего мы хотим на самом деле: то ли заботы слишком много, то ли её не хватает и кажется, что ты никому не нужен. Одно знаю точно: тяжелее всего — расставание, и с годами прощаться становится всё сложнее.

Не знаю почему, но к вечеру мне захотелось проехать мимо дома Эллы. Подъехал, припарковал машину неподалёку

и сидел в салоне. Было интересно, как она там — прошло уже больше четырёх месяцев, а вспоминает ли она обо мне? В голову лезли разные мысли, пришлось долго размышлять. Минут через десять подошла Элла — не одна, а с парнем. Они поцеловались и попрощались. Элла зашла домой, а парень постоял ещё немного и ушёл в ту сторону, откуда пришёл.

Если сравнить его с моим прошлым «я» — с Марком, — в физическом плане он выглядит лучше: рост около метра восьмидесяти, широкие плечи, спортивное телосложение. В прежней жизни, как Марк, я был обычного сложения, ростом метр семьдесят семь и думал только о том, как заработать деньги. Со временем понял: деньги важны, но и над собой работать нужно. Хорошая физическая форма помогает и в деле — окружающие иначе воспринимают подтянутого человека, меняются и отношение, и уважение.

Ну, ответ на свой вопрос — как там Элла — я получил. Ещё тогда говорил себе, что она молодая, красивая, и всё у неё будет хорошо. Включил в машине музыку; было уже полдвенадцатого, почти полночь, поэтому отправился домой.

Глава IX. Мирра

Характер у меня всегда был сдержанным, но особенно закрытой я стала последние четыре года — после того как не стало мамы. Близкие со временем привыкли, но не все. Сходиться с людьми мне всегда давалось непросто. В детстве и школе друзей было мало, и я предпочитала делать вид, что

мне это вовсе не нужно — так было проще. К тому же в детстве рядом со мной постоянно находился двухметровый амбал, поэтому другие дети попросту боялись ко мне подойти. Зато у меня были две настоящие подруги, которые приняли меня такой, какая я есть, со всеми моими странностями: Мелисса и Дженни. После школы мы поступили в разные вузы, но связь не потеряли. В университете всё во многом повторяется, только теперь рядом со мной не амбал, а телохранитель, который больше похож на модель.

Когда мне было четырнадцать, убили маму, и с тех пор охрана со мной всегда. На этот раз, когда прежних охранников сменил новый человек, мне хотя бы повезло. Когда я впервые увидела Адама, подумала, что он больше похож на модель, чем на телохранителя. Высокий в меру, точные черты лица, выразительные тёмные глаза, чёрные волосы, светлая кожа — и всё это на фоне отличной фигуры. Виду я, конечно, не подала, но внутри всё ёкнуло. Неужели бывают настолько красивые парни? Мелисса и Дженни, когда увидели его, тоже были в восторге — особенно Мелисса.

Весь день он не отходит от меня ни на шаг — понятно, работа такая, — но поражает, что он даже воды не пьёт часами, не говоря уже о еде. Настоящий профессионал. Когда мы вернулись домой, я попросила Диану узнать, где он, и отнести ему поесть.

Однажды в зале ко мне подошёл мой бывший тренер Лукаш и попросил, чтобы Адам постоял в спарринге с его бой-

цом. Я сказала, пусть спрашивает самого Адама. Сначала он отказался, но Лукаш так просил, что Адам всё же уточнил у меня. Я не хотела его ограничивать и кивнула. У ринга я даже немного переживала. А когда Адам снял верхнюю одежду и остался в боксёрских шортах, у меня просто перехватило дыхание. Рельеф, сила, ни грамма лишнего — будто над этим телом работали годами. Я ни разу не видела, чтобы он тренировался: днём он со мной, значит, выкладывается по ночам.

В начале боя он только уходил от ударов и защищался, а когда соперник зажал его в угол — дождался момента и выбросил встречный. Удар вышел настолько мощным, что парень отключился и пришёл в себя только после вмешательства врачей. Я знала, что Адам сильный и что он справился с тремя охранниками Луки, но вживую это выглядело ещё внушительнее.

По дороге домой мы впервые заговорили не по делу, но его ответы только подогрели любопытство. Вернувшись, я снова отправила Диану к нему с едой, а сама не заметила, как стала слишком часто о нём думать. Решила поискать его в соцсетях — нашла страницу, но там почти ничего не было: ни фото, ни видео, ни списка друзей, только аватарка. Подумала: а что такого, если добавлю в друзья? Правда, интересно, как он на это отреагирует. Видит во мне просто клиентку или замечает ещё что-то? Есть ли у него девушка? Я ведь почти ничего о нём не знаю. Покрутила эти мысли в голове

и отправила запрос. Около полуночи он принял его. Я сразу написала:

— Привет, как дела? Хорошо добрался домой?

— Привет, хорошо, я дома. Как у тебя дела?

— Хорошо... Что делаешь?

— Смотрю кино, тебе интересны исторические фильмы?

— Смотрела несколько.

— Сейчас пересматриваю «Тристан и Изольду», советую посмотреть в свободное время.

— Спасибо за совет, обязательно посмотрю.

— А что интересует тебя больше?

— Если честно, мне интересно смотреть аниме, читать мангу и новеллы.

— Правда? Честно говоря, не ожидал — я тоже люблю аниме, мангу и новеллы...

Вот так мы и разговорились.

Следующее утро.

Я встала пораньше, сделала зарядку, приняла душ и позавтракала. Подъехал Адам, и мы отправились в университет. День прошёл спокойно, после занятий заехали в зал, а вечером я решила пройтись по аллее неподалёку — Адам, как обычно, держался рядом. Мне вдруг захотелось узнать о нём хоть что-то по-настоящему:

— Адам, я о тебе почти ничего не знаю — даже сколько тебе лет. Расскажешь о себе?

— Ну, мне двадцать два. Всю жизнь провёл в Клуже, учил-

ся в школе, после уехал в армию и недавно приехал работать сюда.

— А родители?

— Их не стало, когда мне было семь, воспитывал дедушка, он сейчас в Клуже.

— Прости, не знала.

— Ничего страшного, ты же не могла знать. А как у тебя с родителями?

— Мамы не стало четыре года назад, а папа постоянно в разъездах из-за работы, редко бывает дома.

— Прости, не знал про маму.

— Ничего, ты ведь тоже не знал... Раньше, когда мама была жива, мы часто гуляли в парках — она очень любила природу.

После прогулки по аллее мы вернулись домой. В этот день я больше никуда не выходила, а вечером решила снова написать ему. Он предложил сходить завтра в зоопарк, и я сразу согласилась. Адам уехал после десяти вечера. Всю ночь я не могла выбросить его из головы: в нём есть редкая прямота и спокойная сила, рядом с которыми не нужно притворяться. Сама от себя не ожидала, что так быстро позволю кому-то занять столько места в мыслях — и как же хочется, чтобы скорее наступило завтра.

Глава X. Прогулка по паркам

Вчера вечером, вернувшись домой поздно, никак не мог выбросить из головы мысль о том, что у Эллы появился но-

вый парень. Понимаю, что злиться глупо: Марка больше нет, она молодая, ей нужно жить дальше и искать своё счастье, но внутри всё равно шевелилась тяжёлая обида. То ли оттого, что новый парень лучше прежней версии меня, то ли потому, что она слишком быстро нашла замену. В голове творился полный хаос, включил фильм, чтобы хоть немного отвлечься. Пока смотрел, написала Мирра — начал отвечать, хотя понимал, что в этом есть что-то не совсем правильное. Она ведь моя подопечная, человек, которого обязан беречь. Но что оставалось — сказать «не пиши мне, не хочу» только потому, что на душе кошки скребут? Перекинуться парой фраз — в этом нет ничего дурного. В конце концов, иметь номера друг друга — нормально.

День шёл как обычно: сначала университет, потом тренировка в зале. Через полтора часа после неё поехали домой, но по дороге Мирра захотела остановиться и пройтись по аллее. Она начала расспрашивать обо мне, а что вообще могу рассказать о себе? Настоящее прошлое — под замком, а вместо него — аккуратно скроенная легенда, в которой самому легко запутаться. Иногда кажется, что живу чужой жизнью. Как сжиться с чужой биографией, как с собственной — особенно когда разговор заходит о сокровенном и приходится говорить, что родителей нет в живых? Хуже всего, когда всё теряет смысл из-за того, что вынужден представляться Адамом Келлемансом. А Мирре приходится врать — с самого начала всё держится на вранье. Во время прогулки она вспомнила,

как мама водила её в парки и зоопарки. После этого приехали к ней домой. Как и в другие дни, других планов у неё не было, поэтому посидел у Боро до десяти вечера и поехал к себе.

Дома вечером снова написала Мирра — предложил завтра сходить в зоопарк, и она согласилась. Прикинул, как лучше построить прогулку, чтобы и маршрут был интересным, и она не устала — крутил в голове предстоящий поход. Не отпускал вопрос: как там себя вести? Как телохранителю? Хоть прогулку предложил сам, всё к этому подвёл. Ладно — буду сопровождать, показывать, следить, чтобы ей не было скучно. В этом нет ничего лишнего: она должна знать человека, который отвечает за её безопасность. Наверное, просто из-за одиночества и нехватки внимания стал искать в происходящем чуть больше смысла, чем там есть. Когда рядом с Миррой, от неё исходит особое спокойствие — с таким человеком хочется выговориться. Бывают люди с сильной харизмой, к которым поначалу даже неловко подойти. Им воздают должное без лишних слов, будто сама судьба выделила их особо. Они умеют выглядеть естественно в любой обстановке, и рядом с ними хочется быть, хочется говорить. Иногда верится, что такие люди способны изменить мир — или что сам сможешь что-то изменить рядом с ними. Подобную внутреннюю силу чувствовал в Луке, а теперь ощущаю и рядом с Миррой.

Суббота.

Поднялся рано, принял душ, выпил кофе и отправился на работу. Созвонился с Миррой и к девяти утра был на месте. Возле дома уже стояло несколько машин, а рядом с Боро — Лука. Припарковался и подошёл к ним:

— Здравствуйте, босс Лука, мистер Боро.

— Здравствуй, Адам, как дела? — отозвался Лука.

— Здравствуй, Адам. — Боро тоже поздоровался.

— Нормально, спасибо, как вы? Давно не виделись, сейчас полно дел.

— Вчера вечером приехал Петре, он сейчас в доме. Мы с ним скоро собираемся в офис, решил познакомить вас перед отъездом.

Пока разговаривали, из дома вышел мужчина лет пятидесяти — тёмные волосы, карие глаза, светлая кожа, среднего роста. Похоже, это Петре Луческу, отец Мирры. Сразу видно, в кого она пошла. Лука подошёл к нему, перекинулся парой слов и подозвал меня. Когда подошёл, он нас представил:

— Адам, познакомься — это Петре Луческу. Петре, это Адам Келлеманс, телохранитель Мирры.

— Здравствуйте, я Адам, рад знакомству.

— Здравствуй, тоже рад знакомству. Лука сказал, что ты за минуту уложил троих его лучших охранников. Ожидал увидеть двухметрового гиганта. Но удивлён, увидев тебя.

— Внешность бывает обманчивой, господин Луческу.

— Верно, когда-то и Луке в бою не было равных. Если возникнут проблемы — сразу сообщи ему.

— Хорошо.

— Нам пора выезжать. Миррой я дорожу, береги её.

— Хорошо.

Попрощавшись, они уехали. Ждать пришлось недолго — вскоре вышла Мирра, и мы отправились в зоопарк.

На месте снял пиджак и галстук: стоял ранний сентябрь, день выдался мягким и тёплым. Вошли в зоопарк, и я обратился к Мирре:

— Мисс Мирра, позвольте мне сегодня побыть вашим гидом и провести для вас экскурсию?

— С удовольствием, мистер Адам.

Пошли по аллеям. Первым делом подошли к вольеру со львами — те лениво лежали на траве.

— Львы, также известные как короли животного мира, прирождённые охотники: у них охотой занимаются самки, а самцы отвечают за защиту. Если самец стареет и не может защитить прайд, его место может занять более сильный молодой самец. Тогда старому приходится уходить и выживать в одиночку или в паре с другим таким же кочевником. Одинокий самец в дикой природе чаще всего либо изгнан из прайда, либо ещё не обзавёлся своим. Таковы суровые законы львов.

— Интересно...

После этого был вольер с волками.

— Волки — сильные и волевые животные, в неволе им явно непросто: взрослые дикие волки не приручаются так,

как собаки, и не выполняют команды. Живут они семейными стаями, а вожаки ведут остальных за счёт опыта и заботы о семье, а не только силой.

Переходя от одного вольера к другому, делился тем, что помнил из передач и книг. Так подошли к тиграм.

— По мне, тигры — самые красивые из хищников. Мощные, скрытные и опасные, они редко уступают в силе даже львам, а с добычей бывают расчётливы и осторожны, чтобы не получить травму.

— Они действительно красивые.

Дальше был вольер с медведями. Они спокойно ходили по территории и ели то, что там было, — ничего особенного.

— Если честно, про них знаю немного. Только то, что осенью они наедаются впрок, чтобы накопить запас жира. Потом проводят зиму в глубоком сне, и этот запас помогает им пережить холода.

Чуть дальше, за поворотом, возвышался вольер, где гордо сидел орёл.

— Не зря говорят «гордый как орёл». Есть такой красивый миф, будто старый или больной орёл поднимается высоко в небо и падает вниз, когда чувствует конец. На самом деле это легенда — в природе птицы чаще погибают от истощения, болезней или холода на земле, но сам образ сильной и независимой птицы всё равно цепляет.

— ...

После увидели ещё несколько красивых птиц и вскоре за-

метили киоск на территории зоопарка. Купил нам еды и напитков и, найдя свободную скамейку, предложил передохнуть.

— Адам, откуда знаешь столько вещей о животных?

— Просто рассказал то, что когда-то видел в интернете или телепередачах. Ничего особенного — хотел, чтобы тебе было интересно и не скучно.

— Ну, тогда тебе это удалось.

— Спасибо, я старался.

— Знаешь, некоторые существа лучше многих людей: они заботятся о своих детёнышах и готовы умереть за них.

— Ну да, это их инстинкт.

— Как ты думаешь, они не могут любить друг друга?

— Не знаю, может быть, дельфины способны на привязанность.

— Почему именно дельфины?

— Ну как сказать — они единственные кроме людей, у кого близость бывает не только ради продолжения рода. Все остальные животные занимаются этим ради размножения.

Она промолчала несколько минут, а потом спросила:

— Адам, можно задам вопрос о личном?

— Да.

— У тебя есть девушка?

— Нет.

— А раньше была?

— Да.

— Почему расстались?

— Меня не было почти пять месяцев, а когда вернулся, у неё уже был другой.

— Как она могла изменить такому парню, как ты?

— Она не изменяла мне — меня просто больше не было в её жизни.

После этого она перестала спрашивать...

— Мирра.

— Да?

— А у тебя был парень?

— Нет. Никто даже не осмелился подойти. Рядом со мной всегда был телохранитель.

— Значит, из-за таких, как я, у тебя не было личной жизни.

— Ты не такой, как они, не похож на других.

— Приятно услышать такие слова от тебя. Тогда продолжим нашу экскурсию?

— Да, продолжим.

По дороге спросил:

— Мисс Мирра, раз сегодня твой выходной, есть ли ещё места, куда хочешь заглянуть?

— Есть одно место, всегда боялась попробовать, но теперь хочу. Давай пойдём в парк развлечений.

— Хорошо.

Так приехали в парк развлечений. У меня были плохие предчувствия, поэтому спросил:

— И на какой же аттракцион хочешь пойти?

— Американские горки.

Нет, только не это. В жизни никогда не катался на американских горках и не хочу пробовать. Как-то раз прокатился на одном более-менее страшном аттракционе с друзьями — пошёл с ними, чтобы не показаться трусом, — и после этого никогда не повторял. Посмотрев на Мирру, увидел, как её глаза блестели от желания; ладно, это ненадолго, если она хочет, не буду останавливать, поэтому ответил:

— Хорошо, пойдём.

Подойдя к кассе, сказал:

— Здравствуйте, мне нужен один билет на американские горки.

Мирра тут же вмешалась:

— А почему ты берёшь один, а не два?

— Ну, билет — для тебя.

— Ты не будешь садиться со мной?

— Нет, я не люблю аттракционы.

— Ты же мой телохранитель, ты должен быть рядом со мной.

— Всё под контролем: там никто не сможет напасть на тебя, а с тобой пусть будет ангел-хранитель.

— Ты что, боишься?

— Да.

— Тогда это приказ, и он не обсуждается.

На что подписался? Кивнул кассиру, взял второй билет,

и через пару минут уже занимали места в первом ряду. Состав медленно пополз вверх, набирая высоту, — этот мерный, неотвратимый подъём давил хуже любого удара: с каждым метром земля уходила глубже, а время будто тянулось назло, оставляя слишком много секунд, чтобы осознать весь ужас происходящего. На самой высокой точке на миг наступила обманчивая тишина, будто мы замерли на краю пропасти, — и тут же сорвались вниз. Внутри всё оборвалось и провалилось куда-то в пустоту, ветер засвистел в ушах, рельсы закрутились перед глазами, а бешеная скорость вдавила в сиденье так, что перехватило дыхание. Никакие умные теории о страхе не работали — меня накрыло с головой. Мирра, обычно такая сдержанная и почти безэмоциональная, перестала прятать чувства: она крепко сжала мою руку, на лице проступил неподдельный испуг, а глаза широко распахнулись от пережитого шока. Я закричал, и она закричала следом — громко, открыто, без привычной закрытости. Пока этот безумный вихрь не кончился, пережил все оттенки ужаса, а Мирра не отпускала мою руку и кричала изо всех сил. Когда всё наконец замерло и тормоза сработали, внутри бушевала гремучая смесь страха, дикого выброса адреналина, облегчения, радости и какого-то странного, пугающего азарта. Чего точно не было — так это желания испытать такое снова. Вышли из аттракциона и, когда перевели дух, спросил Мирру:

— Куда теперь хочешь пойти?

— Давай на сегодня хватит.

Поехали к ней домой, и за этот день больше никуда не ходили. Вечером, уже вернувшись к себе, увидел сообщение от Мирры:

— Спасибо за прекрасный день, это было незабываемо. Даже не помню, когда у меня такое было в последний раз, мне было так хорошо.

Написал в ответ:

— Всегда к твоим услугах...

Телефон затих, а в комнате ещё долго стояло непривычное тепло — будто этот странный, выматывающий день сдвинул что-то важное между нами, оставив после себя тихую ясность и усталость, от которой не хотелось никуда спешить.

Глава XI. Дорога в Бран и тень в замке

Проходили дни после выходных, начался обычный учебный ритм. В один из таких дней мы сидели в аудитории на паре по философии. Преподаватель задал вопрос для всех:

— В философии и мировоззрении есть два полюса — те, кто верит в Бога или высший замысел, и те, кто придерживается неверия или материалистического взгляда на мир. Как вы сами думаете, какая позиция вам ближе и почему?

Один из парней в аудитории поднял руку и ответил:

— Материалистический взгляд мне ближе: наука опирается на наблюдения, эксперименты и проверяемые факты, а строгого научного доказательства существования Бога до сих пор никто не предъявил.

— А почему? — спросил другой голос.

— Всё просто: научный метод работает с тем, что можно измерить и проверить в материальном мире, а явления, которые когда-то казались необъяснимыми чудесами, со временем получали естественные объяснения — хотя над многими вопросами учёные спорят до сих пор.

— Откуда тогда произошёл человек? Если опираться на эволюцию, почему обезьяны не превращаются в людей у нас на глазах и почему человек дальше не эволюционирует?

— По теории эволюции человек не произошёл от совре-

менных обезьян — у нас с человекообразными обезьянами были общие предки в далёком прошлом, а эволюция идёт через ветвление видов, а не по прямой лестнице, где один вид просто превращается в другой. Теперь человек развивается прежде всего через культуру, знания и технологии. Ницше в одной из своих книг говорил, что человек должен преодолевать себя и расти, чтобы приблизиться к идеалу «сверхчеловека». Если сравнить человека, который жил сто лет назад, и человека нашего времени, то по уровню знаний и возможностей мы для людей прошлого выглядели бы иначе — точно так же как для нас станут «сверхчеловеками» люди далёкого будущего. А если человек сам целенаправленно развивает свой ум и характер, он может подняться над средним уровнем уже среди своих современников.

— Но тогда откуда взялось чувство любви? Животные не способны испытывать это, а люди могут.

— А что касается любви, то у нас, людей, просто есть чувство привязанности, как у домашних животных. У нас есть эмоции, самосознание, мы можем выдумывать и ошибаться. Поэтому многие говорят, что любви не существует, когда бывают разочарованы. Просто человек ищет такого же развитого, как сам.

После короткой перепалки стало ясно, что спорить дальше бессмысленно: взгляды разошлись слишком далеко.

— Поэтому для меня нет смысла что-то доказывать тебе, просто у нас разные мнения.

В аудитории повисла тишина, и спустя минуту заговорил преподаватель:

— Интересно услышать разные мнения, поэтому хотел бы узнать ваше мнение, мистер Келлеманс — телохранитель Мирры, конечно, если вы не против ответить.

Сказать, что был удивлён, было бы преуменьшением. Взглядом спросил у Мирры разрешения; она слегка кивнула, и я ответил:

— Существование самого человека уже само по себе чудо. Ведь кто-то создал всех живых существ, человека, Землю, Луну, Солнце, космос и весь мир. Вы можете предложить теории Большого взрыва и Дарвина. Но сколько из существовавших до сих пор теорий оказалось правдой? Когда-то люди верили, что Земля плоская. Даже если допустить, что эти теории верны, должен быть тот, кто запустил всю эту систему, создал мир и заставил планеты вращаться вокруг Солнца, а также создал остальные галактики. Абсолютное существо, Бог, Всевышний — каждый народ называет его по-своему, но суть остаётся неизменной. Вам нужны доказательства? Моисей, Иисус Христос и пророк Мухаммед: никто не может отрицать, что они существовали и оставили свой след. То, что за ними пошли люди и доверили им свою жизнь, уже чудо, не говоря о том, что каждый из них явил чудо в своё время. Но, к сожалению, для людей никогда не будет достаточно доказательств, чтобы они поверили: ведь легче верить, что Бога нет — так проще жить, когда не хочется нести от-

ветственность за себя и за свои поступки. Если люди найдут абсолютное доказательство существования Бога, это станет для них концом. Обсуждать эту тему можно бесконечно, но ни одна из сторон не убедит другую. На этом у меня всё.

После моего ответа преподаватель не задал мне других вопросов, и на этом лекция закончилась. День прошёл в обычном темпе. Потом Мирра тренировалась в зале. В шестнадцать ноль-ноль мы уехали из зала и направились к ней домой. По дороге Мирра задала вопрос:

— Адам.

— Да, слушаю.

— Как ты думаешь, существует ли любовь или это просто привязанность и совокупность многих чувств человека?

— Сложно ответить, но это точно не привязанность: чтобы привязаться, сначала нужно провести с этим человеком определённое время. То, что сказал твой однокурсник, прозвучало лишь как оправдание своего мнения — ведь сложно дать определение любви. А если спросят, из-за какого чувства рождается любовь, я бы сказал, что это чувство желания. Желания быть с ней, завоевать её, защищать, измениться ради неё — из желания рождается страсть. Когда желание угасает, всё теряет смысл; без желания ради неё ничего не хочется делать, даже привязанность превращается просто в кандалы, которые сковывают тебя. Но если спросят, что такое любовь — я не знаю, что ответить, но она существует. Ведь недаром есть люди, готовые умереть за свою любовь.

Перед лицом любви бессильны даже короли. Основатель одной из самых сильных империй в истории — султан Осман. Он основал империю под своим именем и говорил, что никогда не склонит голову и не встанет на колени ни перед кем. Но даже такой человек оказался уязвим перед лицом любви: он склонил голову и встал на колени, чтобы завоевать сердце своей любимой. Или Тадж-Махал — памятник любви, который останется на века. Таких примеров много, поэтому было бы ошибкой отрицать, что любви не существует.

Она не стала больше расспрашивать, и мы приехали к ней домой. После этого весь день прошёл как обычно, а вечером я уехал к себе.

Так шли дни и недели, прошёл сентябрь. Работа устраивала меня во всём: находиться рядом с Миррой мне действительно нравилось. Я бы соврал, если бы сказал, что равнодушен к ней. Мы иногда переписывались по ночам, а днём я сопровождал её повсюду, постепенно узнавая больше и о доме, и о людях, которые в нём работали. Но мне хотелось поехать с ней в одно особенное место, поэтому в один из дней, когда мы ехали в машине, решил предложить:

— Мирра.

— Да, слушаю, Адам.

— Когда ты последний раз бывала в замке Дракулы?

— Была пять лет назад с мамой.

— Как насчёт съездить туда в эту субботу?

— Хорошая идея, в субботу я свободна, можем поехать.

— Хорошо, тогда я всё организую.

Так я предложил ей поехать в Бран, к замку Дракулы. Понимал, что как телохранитель не обязан устраивать такие поездки, но хотел отвезти её туда. Хотелось увидеть, как она улыбается и радуется: она живёт строго по графику, поэтому хотелось, чтобы она могла расслабиться хотя бы в выходной. Если честно, мне просто хотелось провести с ней время, и я не удержался.

К субботе всё было готово, и утром в девять ноль-ноль мы выехали в Бран. Ехать предстояло почти три часа, поэтому купил по дороге еды и решил поговорить с Миррой о разном, чтобы дорога не казалась скучной.

— Мирра.

— Да, слушаю, Адам.

— Если ты не против, хочу задать несколько вопросов личного характера.

— Спрашивай.

— Когда у тебя день рождения?

— Четвёртого апреля.

— Красивое число — два раза ноль-четыре. А любимый цвет?

— Тёмно-синий.

— Какую музыку любишь слушать?

— Кей-поп.

— Какие парни нравятся тебе, какие качества хотела бы видеть у своего парня?

— Чёрные волосы, высокий, но не слишком — метр восемьдесят пять в самый раз; желательно тот, кто работает над своим телом, сильный, чтобы всегда можно было чувствовать себя под защитой; серьёзный характер — не люблю, когда мужчина много разговаривает и смеётся везде; умный, чтобы мог поддержать меня в нужный момент, и чтобы это не было так утомительно, как иногда бывает с парнями.

— А финансовая сторона не играет роли? Например, если парень не сможет обеспечить тот уровень, на котором ты жила раньше?

— Если у него будут все те качества, которые я перечислила, то он как минимум сможет обеспечить себе нормальную жизнь. Если со мной будет такой парень, то мне не нужны миллионы денег — главное, что я могу быть счастлива с ним, а миллионы сами по себе не сделают человека счастливым.

— Понятно.

— Адам.

— Да, слушаю.

— Какую девушку ты бы хотел видеть рядом с собой?

— Если бы сказал, что внешность не интересует, это было бы неправдой — мы всегда смотрим на внешность, не обязательно, чтобы она была идеальна как модель, но чтобы хотелось смотреть на неё. И, конечно, важны другие хорошие качества: чтобы был общий интерес. Самое главное — чтобы она была надёжной и честной. Чтобы, когда придёшь

уставший после работы, ты знал, что эта девушка ждёт тебя, всегда поддержит, подарит тепло и уют, а не будет выносить мозг.

Так, разговаривая на разные темы, в двенадцать мы приехали к замку Дракулы. Туристы там были, но немного. Мы вдвоём с Миррой осматривали замок. С первого взгляда может показаться, что разглядывать старый замок неинтересно, но когда видишь всё вживую, ощущение совсем другое — удивляешься, как эти здания сохранились на протяжении нескольких столетий. Здесь были и комнаты для пыток. Мы шли по залам, разговаривали и смотрели замок:

— Я сам не читал роман Брэма Стокера, но в одном из фильмов Дракула после смерти своей любимой ждал её реинкарнацию четыреста лет.

— Очень романтично, если не считать, что он был вампиром, — улыбнулась Мирра.

— Ну да, всё-таки его тёмная сторона взяла над ним верх. Когда будет свободное время, обязательно прочту этот роман. Но именно это произведение заставило многих забыть, что Влад Цепеш жил в реальной жизни и был обычным человеком. Про него сняли столько фильмов, что, когда заходит речь о вампирах, первым в голову приходит Дракула.

— Адам, если бы тебе пришлось превратиться в вампира, чтобы ждать реинкарнацию своей любимой, какое решение ты бы принял?

Ответ так и не успел прозвучать: где-то за пределами ка-

менных стен, там, где мы оставили машину, мой обострённый слух уловил тяжёлый, неровный звук мотора, резко затормозившего на гравии, и приглушённые голоса людей, действовавших явно не как обычные туристы.

— Подожди здесь пару минут, — сказал я спокойно, но внутри всё уже напряглось. — Выйду посмотрю, что там за шум у парковки.

Я спустился во двор и вышел к дороге, ведущей от замка. У поворота уже стоял большой чёрный фургон — наподобие тех, что используют для съёмок или спецперевозок. Боковая сдвижная дверь распахнулась, внутри за кабиной сидели трое крепких мужчин в тёмном, а впереди, включая водителя, было ещё двое. Они явно знали, что сегодня мы уехали из города вдвоём, и рассчитывали именно на этот момент.

— Взять девчонку, охранника вырубить битой — останется в живых или нет, неважно, — бросил один из тех, кто сидел сзади.

Четверо выскочили наружу почти одновременно, пятый остался за рулём, держа машину наготове. Двое пошли на меня — один из них сжимал в руке тяжёлую биту, явно собираясь свалить меня с первого удара, — а двое других двинулись в сторону замка, чтобы схватить и увезти Мирру. По тому, как они действовали, было видно: люди подготовленные, и кое-что обо мне им уже рассказали. Но они явно не понимали, что недооценивают меня.

Первый бросился ко мне с резким ударом — я ушёл в сто-

рону и одним точным движением выбил его из равновесия, так что он рухнул на землю, не успев даже сгруппироваться. Второй попытался зайти с фланга, занося биту, но я перехватил его замах, вырвал биту, развернул нападавшего и отбросил к борту фургона — металл глухо звякнул от удара. Двое рванули к замку, стараясь проскочить к Мирре, но недостаточно быстро. Я догнал первого в считанные секунды, жёстким захватом швырнул назад и тут же бросился за вторым — настиг его на ходу и точным ударом ноги отбросил на несколько метров. К этому моменту подоспели остальные трое. Первым кинулся тот, кто сжимал биту, занося её для вертикального удара сверху; я шагнул в сторону и пробил прямой удар ногой — удар сбил его с ног и отбросил прямо на двоих подельников.

Осознав, что похитить Мирру не удастся и оставаться на месте смертельно опасно, они бросились к машине, пока ещё держались на ногах. Водитель сработал быстро: дверь захлопнулась буквально на ходу, и чёрный фургон уже набирал скорость, уходя прочь по дороге. Я не стал бросаться в погоню — для меня в эту секунду важнее всего было убедиться, что Мирра в безопасности.

Быстро вернулся к ней: она стояла у входа в замок и всё видела, чуть бледная, но невредимая.

— Всё в порядке, — сказал я, стараясь говорить ровно. — Пора возвращаться в Бухарест.

Обратная дорога прошла в тишине: Мирра молча смотре-

ла в окно, а я держал руки на руле и прокручивал в голове каждую деталь увиденного. Кто-то знал о нашем маршруте. Кто-то знал, что нас двое. И кто-то явно получил информацию изнутри.

Как только мы вернулись в город и я проводил Мирру в дом, сразу связался с Лукой.

— Босс, нужно поговорить. Нас пытались перехватить возле замка Дракулы. Чёрный фургон, пятеро нападавших — двое впереди, трое сзади. Они знали, что мы уехали вдвоём, и знали, что я не слабак, но не ожидали такого отпора. Справиться удалось быстро, но они ушли.

На другом конце провода на секунду повисла тяжёлая пауза. Голос Луки стал жёстким, ледяным, без тени прежней непринуждённости:

— Мирра цела?

— Цела, ни одной царапины.

— Хорошо. Возвращайся к себе и жди связи. Похоже, в нашем доме действительно завелась крыса — и я найду её, чего бы это ни стоило.

Я положил трубку и посмотрел на тёмные окна особняка. Спокойная жизнь рядом с Миррой закончилась — теперь за каждым шагом предстояло следить вдвое внимательнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.